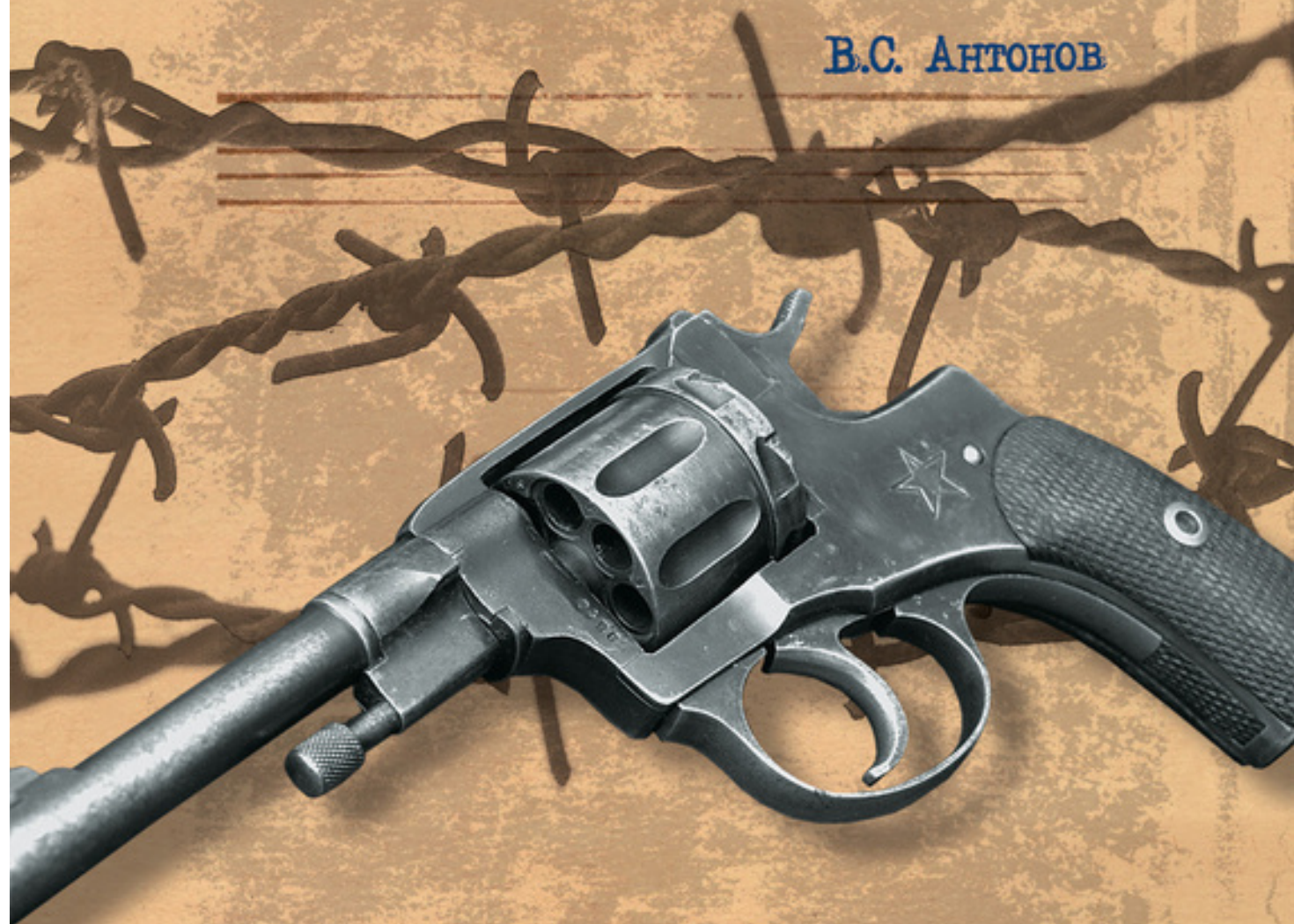

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 12-016

РАССТРЕЛЯННАЯ РАЗВЕДКА

В.С. АНТОНОВ

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Гриф секретности снят

Владимир Антонов

Расстрелянная разведка

«ВЕЧЕ»

2012

Антонов В. С.

Расстрелянная разведка / В. С. Антонов — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Гриф секретности снят)

Репрессии, охватившие нашу страну в конце 1930-х годов, нанесли огромный ущерб советской внешней разведке, серьезно подорвали ее успешную деятельность в предшествующие годы. Аресты коснулись не только руководителей внешней разведки, но и многих ведущих разведчиков. В результате были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры, утрачены связи с ценнейшими источниками информации, что самым серьезным образом сказалось на обеспечении государственной безопасности страны. В книге рассказывается о наиболее видных разведчиках, павших жертвами необоснованных репрессий. Одновременно в отдельной ее главе приводятся краткие биографические сведения на их коллег, также ставших жертвами «большого террора». Содержание книги основано на рассекреченных архивных материалах СВР и Зала истории внешней разведки.

© Антонов В. С., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Расстрелянная разведка. (Вместо предисловия)	6
Глава I. У истоков внешней разведки	21
Глава II. Руководитель ИНО	28
Глава III. Гроссмейстер спецслужб	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Антонов

Расстрелянная разведка

©Антонов В.С., 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Светлой памяти сотрудников советской внешней разведки,
ставших жертвами необоснованных репрессий в 1930-е – 1940-е годы,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Расстрелянная разведка. (Вместо предисловия)

Повествуя об историях разведывательных операций на страницах наших изданных ранее книг, посвященных разведке, мы вынуждены были зачастую указывать, что тот или иной разведчик погиб в 1937 году или позже в результате необоснованных репрессий. Эти страшные годы, получившие в народе отрицательное прозвище «ежовщина», унесли жизни свыше половины работавших в то время разведчиков.

Однако репрессии против политических противников авторитарного сталинского режима, да и просто против лиц, в чем-то не согласных с политикой всесильного вождя, начались гораздо раньше, практически сразу после убийства члена Политбюро ЦК ВКП (б) Сергея Мироновича Кирова, и продолжались в той или иной форме вплоть до кончины Сталина в 1953 году.

О сталинском периоде правления страной и о необоснованных репрессиях написаны горы книг, в которых – в зависимости от позиции автора – он предстает либо выдающимся государственным деятелем, либо узурпатором власти и злодеем. Мы не собираемся вступать в полемику ни с теми, ни с другими и давать собственные оценки Сталину как руководителю Советского государства в то драматическое лихолетье истории нашей страны. Наша задача скромнее и сводится к тому, чтобы показать, как отразились репрессии на закордонной деятельности внешней разведки и ее сотрудниках в предвоенные годы.

1 декабря 1934 года в 16 часов 37 минут в Смольном был убит друг и ближайший соратник И. В. Сталина, член Политбюро ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии Сергей Миронович Киров. По установленной версии, смертельную рану нанес ему на почве личной неприязни ревнивец Николаев, человек психически неуравновешенный. Вопреки всякого рода домыслам и спекуляциям на этот счет «детей Арбата», Сталин ни прямого, ни косвенного отношения к убийству Кирова не имел. Он полностью доверял своему другу и даже планировал перевести его в Москву на более ответственный пост. К слову сказать, когда вышла в свет книга Сталина «Вопросы ленинизма», он преподнес ее Кирову с дарственной надписью: «Моему дорогому другу, брату моему любимому от автора». Этот автограф отражал истинное отношение Сталина к своему соратнику и не являлся политической мимикрией генсека, к которой он впоследствии, особенно после гибели Кирова, неоднократно прибегал в борьбе против своих действительных и мнимых политических противников.

Как рассказывала одному из авторов этой книги Елена Николаевна Трясунова (фамилия указана по мужу), работавшая в секретариате генсека в те драматические дни, Сталин был потрясен трагической гибелью своего самого близкого друга. У него буквально дрожали руки и срывался голос. Он все время повторял: «Что же происходит? Неужели ОНИ уже убивают нас?» Они – это троцкистско-зиновьевская оппозиция. Елена Николаевна особо отмечала, что горе Сталина было неподдельным. «Даже если бы он и был гениальным актером, – говорила она, – он не смог бы более убедительно “сыграть” эту сцену».

Мысль о том, что убийство Кирова было организовано идейно разгромленным недавно «троцкистско-зиновьевским блоком», пришла Сталину в голову не случайно. В первых донесениях ОГПУ относительно обстоятельств убийства Кирова отмечалось, что в середине 1920-х годов Николаев голосовал за платформу Зиновьева, исключался из партии. Через свою жену Мильду Драуле он обратился к Кирову с апелляцией и был восстановлен в партии и даже устроен на работу в один из райкомов на периферии. Однако ехать «в глубинку» не захотел, к тому же приревновал Кирова к своей жене, работавшей официанткой в Смольном. 1 декабря 1934 года он по партийному билету прошел в Смольный для «решительного объяснения»

с Кировым. Находясь в состоянии сильного возбуждения, он «для храбрости» взял с собой пистолет. Это естественный поступок для того времени, поскольку многие члены партии имели разрешение на ношение личного оружия. При объяснении Николаева с Кировым его охрана, догадываясь о конфиденциальном характере беседы, отошла в сторону. Тут нервы Николаева сдали и он выстрелил в Сергея Мироновича. Выстрел оказался смертельным.

Получив известие о смерти Кирова, Сталин вместе с Молотовым, Ворошиловым и Ягодой в тот же день выехали в Ленинград. Здесь он сразу отстранил от занимаемых должностей начальника Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области Ф. Д. Медведя и его первого заместителя И. В. Запорожца, который с августа месяца болел, а в день убийства находился на излечении в Сочи. Оба чекиста были арестованы, обвинены в «преступно-халатном отношении к своим обязанностям по обеспечению госбезопасности» и осуждены на 3 года лишения свободы, а затем направлены начальниками лагерей в системе ГУЛАГа в Магадан. В 1937 году они были отозваны в Москву, вновь арестованы и расстреляны.

Вся семья Николаева, его жена Мильда Драуле и ее мать были расстреляны спустя два месяца после смерти Кирова. Были репрессированы и тысячи других лиц, не имевших никакого отношения к этому покушению. Высшие чины НКВД были прекрасно осведомлены о личностной версии трагической гибели Кирова, однако они были вынуждены молчать об этом, поскольку Сталин объявил, что Кирова убили враги партии.

Сам Сталин, разумеется, вскоре понял истинные причины убийства Кирова. Однако он уже не мог дать «обратный ход» развязанному террору и, видимо, решил использовать сложившуюся ситуацию для физического устранения тех, кто хотя бы в чем-либо были не согласны с его политикой. Репрессии против политических противников Сталина были начаты по его инициативе в конце 1936 года. По его указанию нарком внутренних дел Генрих Ягода устроил избиение партийных кадров, ответственных работников органов госбезопасности, комсомола, наркоматов, других ведомств, в которых, по мнению вождя, завелись «враги народа».

Сталин, разумеется, хорошо знал, что ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Бухарин, так же как тысячи других «оппозиционеров», никогда не были связаны с разведками иностранных государств, не организовывали по их заданию актов саботажа и диверсий, заговоров с целью развала Советского Союза и реставрации в нем капиталистического строя. Решив раз и навсегда избавиться от любого проявления инакомыслия, он не ограничивался только физическим устранением своих оппонентов, но и стремился к тому, что называлось ликвидацией политической биографии. Отсюда – громкие московские судебные процессы, инсценированные ОГПУ по заданию генсека. В ходе этих процессов подсудимые, морально и физически сломленные в застенках НКВД, признавались в таких преступлениях, которые не могли им присниться даже в самом кошмарном сне. Цель этих судебных процессов заключалась не в установлении истины, а в уничтожении малейших признаков инакомыслия и утверждении полного единства «вождя», чтобы путем физического и морального террора заставить всех выполнять его указания, даже ценой собственной жизни.

Сразу после убийства Кирова ВЦИК принимает решение об упрощенном рассмотрении дел, связанных с террором. Слушание этих дел отныне проходило без участия прокурора, осужденные не могли подавать кассационных жалоб на решение суда и ходатайств о помиловании. Приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно. Фактически это было возрождением к жизни «чрезвычайных» столыпинских законов о военно-полевых судах.

С января 1935 года, в соответствии с распределением обязанностей в Политбюро, Сталин лично курировал органы государственной безопасности. Это означало, что ни одно назначение на номенклатурную должность в НКВД не могло состояться без его санкции. Для подготовки «большого террора» нарком внутренних дел Генрих Ягода по указанию Сталина приступил к чистке органов государственной безопасности, устраняя лиц, которые в прошлом поддержи-

вали оппозицию и голосовали за ее платформу. Перед тем как развернуть массовые репрессии против своих оппонентов, Сталин стремился обезопасить себя от «врагов» и «троцкистов» в НКВД. По его логике, в этом не было ничего удивительного: в 1920-е годы, когда в партии существовала относительная свобода мнений, велись внутрипартийные дискуссии по наиболее важным вопросам, платформа оппозиции набирала до сорока процентов голосов чекистов. К тому же в самом начале деятельности в ВЧК работали также левые эсеры, которые привносили свое видение мира в работу этой организации.

Здесь уместно, на наш взгляд, коснуться роли личности председателя ВЧК – ОГПУ Феликса Эдмундовича Дзержинского. Сегодня некоторыми «правозащитниками» активно муссируется утверждение о том, что Дзержинский был основателем ГУЛАГа. Прямо скажем им: Дзержинский не создавал ГУЛАГ. Он скончался 20 июля 1926 года, а Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (ГУЛАГ) НКВД СССР было создано лишь в 1931 году. Резкий же рост репрессий произошел во второй половине 1930-х годов, при Ежове.

Ложным также является и утверждение «правозащитников» о том, что «красный террор» в нашей стране был развязан по инициативе Дзержинского. На самом деле он был развязан в 1918 году Яковом Свердловым и Львом Троцким после убийства эсером Леонидом Каннегиссером председателя ЧК Петроградской коммуны Моисея Урицкого, и в ответ на «белый террор» контрреволюции. В ходе «красного террора» было расстреляно около 500 человек – представителей старого режима, в то время как за время «белого террора» лишь за июнь – декабрь 1918 года и только на территории 13 губерний, занятых белыми, по неполным данным, было расстреляно 23 тысячи человек. И не случайно известный деятель Белого движения и монархист В. Шульгин позже отмечал, что они «начинали борьбу почти что святые, а кончили – почти что разбойники».

Защитники собственных прав начисто игнорируют тот факт, что в 2000 году Главным управлением исполнения наказаний (ГУИН) Министерства юстиции Российской Федерации (ныне – Федеральная служба исполнения наказаний. – *Прим. авт.*) была издана брошюра «Карательная политика России на рубеже тысячелетий». В ней приводится статистика, показывающая, какое число заключенных находилось в исправительных учреждениях России за сто лет – с 1898 по 1999 год. Приведем иллюстративный пример из этого документа.

1922 год. Ф. Дзержинский в то время являлся наркомом внутренних дел и председателем ВЧК. Общее количество лиц, находившихся под стражей и отбывавших наказание, составляло 70 тысяч человек (на сто тысяч человек населения приходилось 67 заключенных). И это в конце ожесточенной Гражданской войны, явившейся результатом иностранной интервенции и сопровождавшейся «белым террором», контрреволюционными заговорами и мятежами, о которых «правозащитники» почему-то не любят вспоминать.

В 1909 году, когда министром внутренних дел России был близкий сердцу демократов «великий реформатор» Петр Столыпин, в тюрьмах и на каторге содержалось 180 тысяч заключенных (140 узников на 100 тысяч человек населения). Вспомним, кстати, основные составляющие столыпинской реакции: карательные отряды для подавления массовых крестьянских выступлений в стране; свирепствовавшие военно-полевые суды, широко применявшие смертную казнь; расстрелы и виселицы (не случайно удавки для приговоренных к повешению называли тогда «столыпинскими галстуками»).

По данным упомянутой выше брошюры, в 1999 году в исправительных учреждениях России содержалось более одного миллиона человек (708 узников в расчете на 100 тысяч человек населения, иными словами, в 10 раз больше, чем при Дзержинском, и в 5 раз больше, чем при Столыпине).

Но вернемся к теме нашего исследования. Генрих Ягода уволил из органов госбезопасности 8100 человек, заподозренных в нелояльности к политике Сталина. Начались громкие судебные процессы над лидерами антисталинской оппозиции. Однако темпы расправы с ина-

комыслящими не устраивали генсека, который обвинял Ягоду в излишнем либерализме. 25 сентября 1936 года Сталин, находившийся вместе со Ждановым на отдыхе в Сочи, направил в Москву членам Политбюро телеграмму следующего содержания:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным назначение тов. Ежова на пост наркомвнутдела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

Уже на следующий день после получения телеграммы Сталина, 26 сентября, наркомом внутренних дел стал секретарь ЦК ВКП (б) Николай Ежов. По совместительству за ним сохранялись посты секретаря ЦК и председателя Комитета партийного контроля. Одним из первых шагов Ежова на посту наркома стало указание о том, что органы госбезопасности должны вернуть чистку, начиная с самих себя.

18 марта 1937 года Ежов выступил на собрании руководящих работников наркомата внутренних дел, на котором заявил, что «шпионы» заняли в НКВД ключевые посты. Он потребовал «твердо усвоить, что и Дзержинский испытывал колебания в 1925–1926 годах. И он проводил иногда колеблющуюся политику». Это был сигнал о том, что репрессии коснутся и ближайших соратников Дзержинского. Вскоре волна арестов в НКВД захлестнула и его руководящих работников. Прежде всего, это коснулось лиц польской национальности. Руководством страны было выражено политическое недоверие внешней разведке.

В своих мемуарах «Разведка и Кремль» один из бывших руководителей внешней разведки генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов по этому поводу писал:

«Когда арестовывали наших друзей, все мы думали, что произошла ошибка. Но с приходом Деканозова (начальник внешней разведки со 2 декабря 1938 года по 13 мая 1939 года. — *Прим. авт.*) впервые поняли, что это не ошибки. Нет, то была целенаправленная политика. На руководящие должности назначались некомпетентные люди, которым можно было отдавать любые приказания. Впервые мы стали опасаться за свои жизни, оказавшись под угрозой самоуничтожения собственной же системой. Именно тогда я начал размышлять над природой системы, которая приносит в жертву людей, служащих ей верой и правдой.

Я считаю Ежова ответственным за многие тяжкие преступления. Больше того, он был еще и профессионально некомпетентным руководителем... Чтобы понять природу «ежовщины», необходимо учитывать политические традиции, характерные для нашей страны. Все политические кампании в условиях диктатуры неизменно приобретали безумные масштабы, и Сталин виноват не только в преступлениях, совершавшихся по его указанию, но и в том, что позволил своим подчиненным от его имени уничтожать тех, кто оказывался неугодным местному партийному начальству на районном и областном уровнях. Руководители партии и НКВД получили возможность разрешать даже самые обычные споры, возникавшие чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов».

Репрессии, охватившие страну в конце 1930-х годов, нанесли огромный ущерб и советской внешней разведке. Они серьезно подорвали ее успешную в целом работу в предшествующие годы. К 1938 году были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры, оказались утраченными связи с ценнейшими источниками информации. Некоторые из них были потеряны навсегда. Порой в «легальных» резидентурах оставалось всего 1–2 работника, как правило, молодых и неопытных. Аресты создали в коллективах обстановку растерянности, подозрительности и недоверия.

За годы «ежовщины» были арестованы практически все бывшие и действующие руководители ИНО и многие ведущие разведчики.

Так, 13 мая 1937 года был арестован выдающийся организатор контрразведки и разведки Артур Артузов. 15 июня 1937 года – Станислав Мессинг, работавший тогда уже в Наркомате внешней торговли. 21 ноября 1937 года – первый начальник советской внешней разведки Яков

Давтян (Давыдов). 23 ноября 1938 года – Меер Трилиссер, являвшийся к тому времени ответственным сотрудником Исполкома Коминтерна.

Возглавивший разведку после Артузова комиссар госбезопасности 2-го ранга Абрам Слуцкий 17 февраля 1938 года внезапно скоропостижно скончался в кабинете первого заместителя наркома внутренних дел М. Фриновского. А уже в апреле того же года его посмертно исключили из партии как «врага народа».

После смерти Слуцкого исполняющим обязанности начальника внешней разведки был назначен майор госбезопасности Сергей Шпигельглас. Но и он продержался в этой должности менее четырех месяцев. 9 июня 1938 года его сменил старший майор госбезопасности Зельман Пассов. А судьба Шпигельгласа была решена: 2 ноября 1938 года он был арестован, а 12 февраля 1940 года – расстрелян. Пассова же постигла та же участь спустя три дня – 15 февраля.

В это же время было подвергнуто репрессиям и большое число ведущих разведчиков. Среди них можно назвать: резидентов в Лондоне А. Чапского, Г. Графпена и Т. Малли; в Париже – С. Глинского и Г. Косенко; в Риме – М. Аксельрода; в Берлине – Б. Гордона; в Нью-Йорке – П. Гутцайта; выдающихся разведчиков-нелегалов Д. Быстролетова, Б. Базарова, Г. Сыроежкина и многих других.

Были арестованы и брошены в тюрьмы Я. Буйкис, И. Лебединский, Я. Серебрянский, И. Каминский, П. Зубов и сотни других разведчиков. Некоторым из них удалось все же выйти из заключения и успешно работать в годы Великой Отечественной войны.

Как отмечает в своем исследовании историк советских органов госбезопасности Д. Прохоров, «в результате так называемых “чисток” в 1937–1938 годах из 450 сотрудников внешней разведки (включая загранаппарат) были репрессированы 275 человек, то есть более половины личного состава». Этот разгром разведки привел к печальным последствиям. В результате со многими ценными агентами была прервана связь, восстановить которую удавалось далеко не всегда. Более того, в 1938 году в течение 127 дней кряду из центрального аппарата внешней разведки руководству страны не докладывалось вообще никакой информации. Случалось, что сообщения на имя Сталина некому было подписывать, и они отправлялись за подписью рядовых сотрудников аппарата разведки.

Вскоре после февральско-мартовского 1937 года пленума ЦК ВКП (б), принявшего решение о развертывании масштабных чисток, были арестованы почти все начальники управлений и отделов НКВД и их заместители. Волна репрессий коснулась не только ветеранов ВЧК, но и выдвиженцев Ягоды, лиц, которые слишком много знали об истинной подоплеке московских процессов, о том, какими методами НКВД добивался признательных показаний от лидеров антисталинской оппозиции.

Кстати, определенный интерес для читателя может представить рассказ о выступлении Ежова на февральско-мартовском пленуме, который приводит в своей книге «Сталин и разведка» историк Игорь Дамаскин:

«Обсудив вопрос о вредительстве, пленум перешел к рассмотрению вражеской деятельности в самом наркомвнутделе. Обсуждение проходило на закрытом заседании, в отсутствие приглашенных на пленум лиц.

Начало доклада Ежова было довольно спокойным. Он даже заявил о сужении “изо дня в день вражеского фронта” после ликвидации кулачества, когда отпала необходимость в массовых арестах и высылках, которые производились в период коллективизации.

Затем нарком перешел к нападкам на существующую тюремную систему для политзаключенных (так называемые политизоляторы). Он привел цитату относительно обследования Суздальского политизолятора: “Камеры большие и светлые, с цветами на окнах. Есть семейные комнаты... проводятся ежедневные прогулки мужчин и женщин по 3 часа (смех Берии: “Дом отдыха!”)”. Упомянул Ежов и спортивные площадки, полки для книг в камерах, усиленный паек, право отбывать наказание вместе с женами (сейчас трудно поверить, что в начале 1937

года в изоляторах для политзаключенных существовали такие условия. – *Прим. авт.*). Указал он и на практику смягчения наказаний, отметив, например, что из 87 осужденных в 1933 году по делу Смирнова девять человек – выпущены на свободу, а для шестнадцати – тюрьма заменена ссылкой.

Заявление Ежова вызвало возмущение участников пленума. Бедняги, они не знали, что вскоре многим из них придется оказаться в местах не столь отдаленных...

Ежов заявил, что с момента своего прихода в НКВД он арестовал 238 работников наркомата, ранее состоявших в оппозиции. Другим контингентом арестованных чекистов были «агенты польского штаба»...

Резолюция по докладу Ежова повторяла формулировку телеграммы Сталина и Жданова из Сочи о запоздании с разоблачением троцкистов на 4 года и указывала, что «НКВД уже в 1932–1933 годах имел в своих руках все нити для того, чтобы полностью вскрыть чудовищный заговор троцкистов против советской власти».

Резолюция требовала ужесточить режим содержания политзаключенных и обязала НКВД «довести до конца дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма с тем, чтобы подавить малейшие проявления антисоветской деятельности».

В связи с тем, что большая группа работников НКВД была отмечена правительственными наградами за активное участие в кампании 1937 года по борьбе с «врагами народа», Н. Ежов заявил: «Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания». На смену старым чекистам были выдвинуты молодые кадры, не имевшие опыта работы, от которых требовалось безоговорочное выполнение указаний наркома. Как позднее вспоминал один из бывших сотрудников центрального аппарата НКВД, Ежов требовал от него репрессировать как можно больше людей, чтобы было чем отчитаться перед Сталиным.

Июньский 1937 года пленум ЦК ВКП (б) предоставил НКВД чрезвычайные полномочия в борьбе с «врагами народа». До этого пленума применение пыток на допросах обвиняемых было запрещено. В июле 1937 года Сталин послал в партийные органы секретную директиву Политбюро о применении при допросах физических мер воздействия. Она разъясняла только что занявшим свои посты партийным руководителям республиканского и областного масштаба, что пытки и избиения санкционированы Политбюро ЦК ВКП (б).

Поскольку запросы по этому поводу поступали в ЦК от местных партийных органов постоянно, 10 января 1939 года Сталин разослал секретарям республиканских и областных парторганизаций, а также руководителям республиканских наркоматов и управлений НКВД шифрованную телеграмму, в которой, в частности, говорилось:

«ЦК ВКП (б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с разрешения ЦК ВКП (б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, зачатых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП (б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и не разоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

На практике, к сожалению, пытки и избиения были не исключением, а правилом. При этом Сталина нисколько не смущал тот факт, что такие методы «выколачивания» признательных показаний используют отнюдь не все буржуазные «разведки», а только карательные органы фашистских государств, соревноваться с которыми социалистическому государству просто не пристало.

Чтобы у читателей не возникла мысль о том, что и сама внешняя разведка занималась репрессиями в отношении инакомыслящих, сразу поясним, что в 1930-е годы под термином

«разведка» понимались органы госбезопасности вообще. При этом контрразведка на профессиональном языке того времени называлась «внутренней разведкой», в отличие от внешней разведки, которая действовала за рубежом по трем основным направлениям: политическому, экономическому и научно-техническому. Что же касается непосредственно репрессий против «врагов народа», то этим занималось Секретно-политическое управление (СПУ) НКВД, которое проводило аресты подозреваемых и осуществляло следственные мероприятия в отношении арестованных.

Уже в первые месяцы «великой чистки» аппарат НКВД на местах был значительно расширен. Одновременно Сталин, лично курировавший органы госбезопасности, позаботился о том, чтобы значительно улучшить материальное положение чекистов. На заре советской власти чекисты в материальном отношении были обеспечены весьма недостаточно. Любые кампании по сбору средств в помощь бастующим шахтерам Англии, узникам капитала, в фонды МОПР и т. п., как правило, начинались с чекистов как наиболее сознательного отряда граждан Советской республики, «обязанных быть в первых рядах». Чекисты-пограничники жили в землянках, нуждаясь в самом необходимом. Не лучше было и положение остальных сотрудников органов госбезопасности, которые месяцами не получали денежного вознаграждения за свой нелегкий труд, часто связанный с риском для жизни.

Однако меры, предпринятые Сталиным в 1937 году, были призваны не столько улучшить жизнь, сколько материально развратить чекистов, превратить их в особую касту, дорожащую своими привилегиями. Оклады работников НКВД в 1937 году были существенно увеличены и стали превышать даже оклады партийных работников. Кроме высоких окладов, в НКВД была создана специальная сеть магазинов, в которых по низким ценам продавалось конфискованное имущество арестованных. Как вспоминал выдающийся разведчик-нелегал Дмитрий Быстролетов, при его аресте сотрудники СПУ, не стесняясь его присутствия, вслух рассуждали о том, кто и что возьмет из его вещей.

Следует однако отметить, что среди новобранцев НКВД «сталинской волны» было немало людей, которых буквально ошеломила обстановка беззакония и произвола, царившая в органах госбезопасности. Некоторые из них даже сходили с ума или кончали жизнь самоубийством. В сентябре 1938 года покончил с собой секретарь Ежова. Он застрелился, катаясь на лодке по Москве-реке. Многие работники НКВД, участвовавшие в «большой чистке», сами погибли в вакханалии «ежовщины». За 1934–1939 годы 21 800 сотрудников Наркомата внутренних дел были репрессированы по обвинению в «контрреволюционных преступлениях», в том числе сотни разведчиков. Это были чекисты, пытавшиеся оказывать сопротивление беззаконию, те, кто слишком много знал о репрессиях, а также организаторы «липовых дел», арестованные в конце 1938 – начале 1939 года.

Осенью 1938 года Сталину стало ясно, насколько массовые чистки ослабили советские органы безопасности. К тому же в ЦК ВКП(б) поступали многочисленные письма от партийных руководителей на местах и простых граждан, в которых обращалось внимание на беззаконие и произвол, творившиеся «ежовцами». Ежов выполнил свою миссию, и Сталин решил им пожертвовать, возложив на него ответственность за разгул террора в стране.

Первым признаком того, что карьере Ежова пришел конец, стало его назначение 8 апреля 1938 года по совместительству наркомом водного транспорта. В августе того же года первым заместителем наркома внутренних дел и одновременно начальником Главного управления государственной безопасности, в состав которого входила и внешняя разведка, был назначен Лаврентий Берия, являвшийся 1-м секретарем Тбилисского горкома КП (б) Грузии, а до этого длительное время работавший в органах ВЧК – ГПУ Закавказья.

17 ноября 1938 года Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило на своем заседании секретное постановление СНК и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», явившееся, по сути, предвестником конца «ежовщины». В документе, в частности, отмечалось:

«Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры.

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительской работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых лимитов для производства массовых арестов. Глубоко укоренился упрощенный порядок расследования, при котором следователь, как правило, ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными. Нередко показания арестованных записываются в виде заметок, а затем спустя продолжительное время составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока обвиняемый не признается в совершенных им преступлениях».

Постановлением от 17 ноября 1938 года органам НКВД и Прокуратуре запрещалось проводить какие-либо массовые аресты и выселения, а сами аресты предписывалось осуществлять в соответствии с Конституцией страны только по постановлению суда или с санкции прокурора. В центре и на местах ликвидировались судебные «тройки». В то же время в документе подчеркивалось, что «очистка СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров должна продолжаться, но с использованием более совершенных и надежных методов».

В тот же день Ежов направил Сталину докладную записку, в которой каялся в том, что «не завершил разоблачение заговорщиков из НКВД». Вопреки всякой логике, в его письме отмечалось, что «заговорщикам удалось завербовать не только верхушку ЧК, но и среднее звено, а часто и низовых работников». Ежов подчеркивал, что «инострannую разведку, по существу, придется создавать заново, поскольку весь Иностранннй отдел НКВД оказался засоренным шпионами».

23 ноября в кабинете Сталина Ежов написал заявление в Политбюро ЦК ВКП (б), в котором просил освободить его от должности наркома внутренних дел СССР. Просьба Ежова была удовлетворена. Новым наркомом внутренних дел стал Лаврентий Берия.

Репрессии против чекистских кадров пошли на убыль, но полностью не прекратились. Еще будучи первым заместителем наркома внутренних дел, Берия запросил у председателя Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриха данные о деятельности этого судебного органа. В полученном ответе говорилось:

«За время с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР и выездными сессиями коллегии в 60 городах осуждено:

- к расстрелу – 30 514 человек;
 - к тюремному заключению – 5643 человека.
- Всего – 36 157 человек».

Колоссальный урон сталинскими репрессиями был нанесен и Красной Армии. Июньский процесс 1937 года над мнимыми участниками «заговора генералов» во главе с маршалом Тухачевским привел к разгрому военных кадров. 29 ноября 1938 года нарком обороны Ворошилов на заседании Военного совета признал, что за 1937–1938 годы из армии было вычищено свыше 40 тысяч человек. Объективности ради скажем, что не все они были расстреляны. Накануне и в ходе войны в строй было возвращено свыше 30 тысяч «вычищенных» офицеров. С июня 1937 по сентябрь 1938 года было репрессировано около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие военными округами. За малым исключением, были арестованы все начальники управлений и другие ответствен-

ные работники Наркомата обороны и Генерального штаба, все начальники военных академий и институтов, все руководители военно-морского флота и командующие флотилами и флотилиями. Вслед за Тухачевским были расстреляны все маршалы Советского Союза, за исключением Ворошилова, Буденного и Шапошникова. Маршал Блюхер был забит до смерти на допросе в Лефортовской тюрьме в связи с отказом признать себя виновным в шпионаже в пользу Японии.

Из 408 работников руководящего и начальствующего состава Красной Армии, осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР, 401 был приговорен к расстрелу и только семь – к различным срокам тюремного заключения. Из репрессированных командиров бригадного – корпусного звена было расстреляно 643 человека, 63 умерли под стражей, 8 покончили жизнь самоубийством и 85 отбыли длительные сроки тюремного заключения.

В этот же период массовых репрессий в армии было уничтожено все руководство Разведывательного управления и все начальники отделов военной разведки (один армейский комиссар 2-го ранга, два комкора, четыре корпусных комиссара, три комдива и два дивизионных комиссара, 12 комбригов и бригадных комиссаров, 15 полковников и полковых комиссаров) – 39 человек высшего командного состава с большим опытом разведывательной работы.

Авторы книги «Империя ГРУ» А. Колпакиди и Д. Прохоров приводят обращение к наркому обороны К. Е. Ворошилову исполнявшего обязанности начальника 1-го отдела Разведывательного управления полковника А. И. Старунина и заместителя начальника отдела по агентуре майора Ф. А. Феденко, в котором, в частности, говорится:

«В результате вражеского руководства в течение длительного периода времени РККА фактически осталась без разведки. Агентурная нелегальная сеть, являющаяся основой разведки, почти вся ликвидирована... Реальных перспектив на ее развертывание в ближайшее время нет. Итак, накануне крупнейших событий мы не имеем “ни глаз, ни ушей”. В управлении есть немало людей, знающих работу, которые могли бы внести в дело развертывания агентуры новую большевистскую струю, но система, косность, трусость и ограниченность так называемых руководителей глушат здравые начинания и инициативу людей».

В результате предвоенных репрессий Красная Армия лишилась большего числа военачальников высшего звена, чем за все годы Великой Отечественной войны. Армия была деморализована. Ни один командир не принимал самостоятельных решений. В почете были безграмотные с военной точки зрения, но идеологически «правильные» решения. Так, Красная Армия победила в Гражданской войне во многом благодаря тому, что стратегические запасы вооружений и обмундирования Русской армии в период Первой мировой войны концентрировались в складах примерно на линии Волги. Там же, в Казани, находился и золотой запас России. Эти вооружения и амуниция достались большевикам и сыграли значительную роль в победе, поскольку в условиях хозяйственной разрухи и Гражданской войны организовать «с нуля» военное производство в стране, находившейся в кольце врагов, было просто невозможно.

Накануне Великой Отечественной войны, когда граница СССР была перемещена на Запад, начальник Главпура Лев Мехлис и маршал Кулик, отвечавшие за вооружение Красной Армии, предложили Сталину сконцентрировать запасы боевой техники, вооружения и обмундирования в непосредственной близости от границы, поскольку, согласно военной доктрине того времени, Красная Армия должна была воевать «малой кровью» и на чужой территории. Сталин утвердил это безграмотное, но идеологически безупречное предложение. В результате этого решения, а также грубейших ошибок и просчетов тогдашнего советского военного командования только в первые дни войны Красная Армия потеряла 67 процентов стрелкового оружия, 91 процент танков и САУ, 90 процентов боевых самолетов, 90 процентов орудий и минометов, находившихся на ее вооружении в предвоенное время.

В разгар битвы за Москву Молотов, курировавший оборону Западного фронта, в ответ на просьбы военачальников дать им хотя бы винтовки отвечал, что винтовок нет. Он рекомен-

довал им в борьбе с танками противника шире использовать бутылки с зажигательной смесью, которые в дальнейшем получили название «коктейль Молотова». Защитники же Москвы задавали себе вопрос: куда подевалось грозное оружие, которое имелось в армии накануне войны?

Хорошо также известно, что многие германские генералы, памятуя о «завещании генерал-полковника Секта», который считал, что войну с Советским Союзом можно выиграть либо в течение трех месяцев, либо никогда, поскольку СССР располагает огромной территорией, гигантскими природными ресурсами, значительным населением и производственной базой, предостерегали Гитлера от войны с Советами. В ответ Гитлер приводил лишь один контраргумент: в результате уничтожения командного состава Красная Армия стала слабее, чем в 1935 году. 23 ноября 1939 года, выступая на секретном совещании руководства вермахта, Гитлер охарактеризовал СССР как ослабленное в результате внутренних процессов государство. «Фактом остается то, – заявил он приближенным генералам, – что в настоящее время боеспособность русских вооруженных сил – незначительная. На ближайшие год или два нынешнее состояние сохранится».

Гитлер, к сожалению, оказался частично прав. Перевес в вооружениях и военной стратегии Красной Армии над его воинством наступил только в 1943 году, после сражений под Сталинградом и на Курской дуге. Однако цена этого перевеса была неимоверно высокой. Только в 1941 году из-за ошибок Сталина и просчетов Верховного командования Красная Армия потеряла военнопленными 3,5 миллиона человек. В следующем, 1942 году, немцы захватили в плен полтора миллиона красноармейцев. А все потери Советского Союза в Великой Отечественной войне составили 27 миллионов человек. Таких потерь Россия и Русская Армия не знали даже в годы Первой мировой войны.

Какова же численность жертв «большого террора»? Обратимся к официальному документу, подготовленному 1 февраля 1954 года для Н. С. Хрущева и приведенному в одной из своих публикаций свердловским исследователем Виктором Чернокутовым:

«Секретарю ЦК КПСС тов. Хрущеву Н. С. В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц, в соответствии с вашими указаниями о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем:

С 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере – 642 980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже – 2 369 220 человек, в ссылку и высылку – 765 180 человек.

Из общего количества осужденных, ориентировочно, осуждено: 2 900 000 человек – Коллегией ОГПУ, «тройками» НКВД и Особым совещанием; 877 000 человек – судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией.

Генеральный прокурор Р. Руденко.

Министр внутренних дел С. Круглов.

Министр юстиции К. Горшенин».

Итак, как явствует из приведенного документа, всего с 1921 по начало 1954 года по политическим обвинениям было приговорено к смертной казни 642 тысячи 980 человек, к лишению свободы – 2 миллиона 369 тысяч 220 человек, к ссылке – 765 тысяч 180 человек (но отнюдь не «десятки миллионов», как об этом в последние годы талдычат по всем каналам центрального российского телевидения записные «демократы». – *Прим. авт.*)

Близкие к цифрам, упомянутым в приведенном выше документе – 3 778 234 репрессированных, в том числе 786 098 расстрелянных – впервые были обнародованы в 1990 году руководством тогдашнего КГБ СССР.

Много это или мало? Разумеется, даже один расстрелянный невинный человек с точки зрения здравого смысла – это много. Каждый невинно пострадавший от политических репрес-

сий – весомая часть великой трагедии нашей страны. Однако даже в наше время, когда ГУЛАГ канул в Лету, в тюрьмах демократической России содержится примерно один миллион человек. По данным члена Комитета по безопасности Государственной думы генерал-лейтенанта Александра Гурова, ежегодно в России обнаруживают 40–42 тысячи неидентифицированных трупов, а еще 50 тысяч человек кончают жизнь самоубийством. Иными словами, если так будет продолжаться и далее, за тридцать лет, примерно соответствующих периоду правления Сталина, от рук бандитов погибнет около 1,2–1,5 миллиона человек, что превышает число людей, расстрелянных по приказу Сталина в 1930-е годы.

* * *

Уже в первые месяцы своего пребывания на посту наркома внутренних дел Берия расставил на ключевые посты своих людей, прибывших вместе с ним из Грузии. Кроме того, им была проведена «чистка» ежовских кадров, занимавших руководящие посты в НКВД как в центре, так и на местах. Помимо Николая Ежова, расстрелянного 4 февраля 1940 года, такая же участь постигла Михаила Фриновского, Бориса и Матвея Берманов, Станислава Реденса, Леонида Заковского, Семена Жуковского, Александра Радзивиловского, Льва Бельского и других руководящих сотрудников наркомата.

В то же время новый нарком пошел на некоторые послабления. В течение 1939 года из лагерей было выпущено 223 800 осужденных, а еще 103 800 человек вернулись из колоний-поселений. Среди освобожденных были будущий Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский, будущий Герой Советского Союза генерал армии Александр Горбатов и вице-адмирал Георгий Холостяков, академик и адмирал Аксель Берг, академик Лев Ландау, осужденный за распространение листовок антисталинского содержания.

Однако необоснованные репрессии не прекратились. Были произведены новые аресты и во внешней разведке. Для подготовки смены репрессированным разведчикам Берия объявил призыв в НКВД «лучших комсомольцев». Накануне войны именно эти «новобранцы» стали тем костяком, который в условиях полного погрома Сталиным и Ежовым органов внешней разведки воссоздавали ее. Именно молодые лейтенанты и капитаны, призванные по комсомольскому и партийному наборам во внешнюю разведку, обеспечивали в годы Великой Отечественной войны ее успешную деятельность.

Разгром внешней разведки незадолго до начала Второй мировой войны нанес серьезный урон государственной безопасности нашей страны. После отстранения Ежова от должности наркома внутренних дел в НКВД была направлена специальная проверочная комиссия из ЦК ВКП (б). Она была призвана выяснить, как разоблачаются «изменники и авантюристы», проникшие во внешнюю разведку и «обманывавшие партию и государство». Каждый сотрудник разведки подлежал тщательной проверке. Члены комиссии во главе с В. Деканозовым интересовались в первую очередь связями сотрудников с троцкистами и другими «врагами народа».

Новые руководители пришли в разведку по партийному набору. Среди них были партийные активисты, выпускники академии РККА имени М. В. Фрунзе, гражданских вузов. Был среди них и будущий начальник внешней разведки 32-летний старший майор госбезопасности Павел Фитин, который руководил ее работой все годы военного лихолетья.

В направленном руководству НКГБ отчете о работе внешней разведки с 1939 по 1941 год начальник разведки Павел Матвеевич Фитин писал:

«К началу 1939 года в результате разоблачения вражеского руководства в то время Иностранного отдела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке. Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состо-

яла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном».

Чтобы восстановить кадровый состав внешней разведки, требовалось организовать специальную подготовку ее молодых сотрудников. Жизнь диктовала необходимость создания специального учебного заведения. И 3 октября 1938 года нарком внутренних дел издал приказ об организации Школы особого назначения (ШОН) для централизованной подготовки разведывательных кадров.

В воспоминаниях П. М. Фитина, опубликованных после его смерти в «Очерках истории российской внешней разведки», по этому поводу говорится:

«В соответствии с решением Центрального Комитета партии от 1938 года “Об улучшении работы Иностранного отдела НКВД” нам пришлось значительно перестраивать деятельность разведки.

Данное решение было вызвано создавшимся ненормальным положением в органах государственной безопасности, и в первую очередь в разведке. В 1930-х годах сложилась обстановка недоверия и подозрительности ко многим чекистам, главным образом к руководящим работникам, не только центрального аппарата, но и резидентур Иностранного отдела за кордоном. Их обвиняли в измене Родине и подвергали репрессиям. В течение 1938–1939 годов почти все резиденты ИНО за кордоном были отозваны в Москву и многие из них – репрессированы.

Обстановка настоятельно требовала принятия неотложных мер по перестройке всей работы внешнеполитической разведки. В марте 1938 года в органы государственной безопасности Центральный Комитет партии мобилизовал около 800 коммунистов с высшим образованием, имевших опыт партийной и руководящей работы. После обучения на ускоренных курсах Школы особого назначения их направили как в центральный аппарат, так и в периферийные органы. Большая группа выпускников ускоренных курсов, в которой находился и автор этих строк, была отобрана для работы в 5-м (разведывательном) отделе ГУГБ НКВД СССР.

Влившись в разведку новые кадры вместе с оставшимися на работе чекистами-разведчиками образовали монолитный сплав опыта и молодого задора. Их задача состояла в том, чтобы улучшить разведывательную работу за кордоном.

В результате принятых мер в предвоенные годы удалось укомплектовать около 40 резидентур за кордоном и направить в них более 200 разведчиков, а также вывести на нелегальную работу многих кадровых чекистов. Это сразу же сказалось на результатах».

Новое руководство внешней разведки действительно предприняло энергичные меры по восстановлению заграничных аппаратов, деятельность которых была парализована в результате многочисленных чисток, и укреплению центрального аппарата разведки. За короткий предвоенный срок Фитину удалось не только залечить раны, нанесенные разведке необоснованными репрессиями, но и значительно активизировать ее деятельность, в первую очередь – за рубежом, сосредоточив внимание на подборе руководителей резидентур. В течение 1939–1940 годов за рубеж были направлены такие опытные разведчики, как М. Аллахвердов, В. Зарубин, Е. Зарубина, А. Коротков, Б. Рыбкин, З. Воскресенская-Рыбкина, Д. Федичкин.

К середине 1940 года в центральном аппарате разведки в Москве работали уже 695 человек, а 242 разведчика были командированы за границу. Удалось укомплектовать 40 резидентур. Наиболее крупными из них были резидентуры в США, Финляндии, Германии. Однако полностью завершать реорганизацию разведки, создавать условия для ее работы в боевых условиях, чем занимался еще в начале 1930-х годов выдающийся организатор разведки Артузов, Павлу Фитину пришлось уже в ходе войны. Молодые лейтенанты и капитаны, пришедшие во внешнюю разведку накануне войны, с честью справились с этой нелегкой задачей, снабжая высшее советское руководство необходимой политической, военной и научно-технической информацией. Они сумели переиграть нацистские спецслужбы и внесли свой вклад в Великую Победу над гитлеровской Германией и ее сателлитами.

* * *

Замысел этой книги родился у авторов довольно давно. Нам пришлось изучить сотни документов, просмотреть тысячи фотографий разведчиков, ставших жертвами «большого террора», переговорить с немногими ветеранами внешней разведки, уцелевшими в мясорубке «ежовщины». Откровенно признаемся, эту книгу было нелегко писать, хотя бы потому, что на тему о сталинских репрессиях и так уже существуют горы литературы. К сожалению, более или менее объективного описания трагических страниц нашей истории 1930-х годов прошлого столетия не так уж много. О репрессиях же против внешней разведки и ее сотрудников, ставших первыми невинными жертвами «большого террора», пока написано еще до обидного мало. Разумеется, в этой книге мы не можем даже кратко рассказать о жизни и судьбах всех чекистов-разведчиков, ставших жертвами кровавой вакханалии расправ. Сложно даже перечислить их имена, так как не все они пока известны. Можно лишь констатировать, что подавляющее большинство из них были достойными людьми. Они любили и ненавидели, делали ошибки и исправляли их, совершенствовали свое разведывательное мастерство и выполняли задания Центра. Они не знали за собой вины, потому что добросовестно исполняли свой долг и считали себя строителями нового мира, который нужно оберегать от многочисленных реальных врагов.

Люди, о которых рассказывается в книге, служили не Сталину и не Берии, а Отечеству, Отчизне.

Многих героев книги нельзя судить по законам нашего времени. Они являлись людьми своей эпохи. И даже если бы они не стали разведчиками, то добились бы заметного успеха в какой-то другой сфере, поскольку все они были личностями неординарными. В то же время их трагедия заключалась в том, что они погибли не от рук действительных врагов. Все они пали от рук своих же товарищей, став невинными жертвами ожесточенной борьбы за власть, которой сопровождается каждая социальная революция.

Известный публицист Виктор Кожемяко, очень удачно, как нам кажется, написал по этому поводу:

«То время уже отдалилось и объективных свидетелей остается все меньше. Главное – это не только наиболее героический, но и наиболее сложный, противоречивый период нашей истории, полный драматизма и трагедийности. Вот почему выдающийся современный мыслитель Вадим Кожинов, недавно ушедший от нас, обращаясь к тому времени, особенно настаивал: не критиковать надо прошлое, которое уже состоялось, а понять!»

Публикуя биографические очерки о некоторых наиболее видных разведчиках, павших жертвами неистового разгула репрессий, мы помещаем в конце нашего скромного труда «Книгу памяти», в которой приводим краткие биографические данные на их коллег, также ставших жертвами «большого террора».

А предварить рассказ о разведчиках 1930-х годов мы хотели бы, с разрешения автора, стихотворением талантливого русского поэта и нашего большого друга Анатолия Пшеничного, которое, как нам кажется, органично отвечает содержанию всей книги.

ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ

Мы – жертвы репрессий.
Вы, кажется, так
Теперь называете нас?
И, судя по прессе, —
Развеялся мрак

И пробил положенный час.
С пакетов молчанья
Осыпался клей
И хрустнул на ваших зубах!
Да только не стало,
Не стало светлей
В неслучившихся наших гробах.

Когда спозаранку
Стучали к нам в дверь,
Вонзая в рассвет голоса,
Мы вместо прощанья
Шептали: «Не верь!»,
Целуя родные глаза.
И капли в следы
Нам вколачивал дождь,
И тлели распятия рам!..
И шурился в спины нам
Бдительный вождь
С портретов по красным углам.

Но в лагерных дебрях
И в камерной мгле
Мы гнали сомнений мираж.
И верили свято,
Что нет на земле
Судьи справедливей, чем наш...
Но не докричаться —
Кричи не кричи,
Не выжить —
Молчи не молчи!..
И, бросив щиты, обнажили мечи
Улыбчивые палачи.

Лучиною тлела
Надежда в груди
И вновь успевала сгореть.
И черной звездой плыла впереди
Свобода – по имени Смерть.
Но были мы вместе
С любимой страной,
Как с материком острова!..
«Вы жертвою пали в борьбе роковой...» —
Вы помните эти слова?

У вас на земле —
Новостроек леса,
На травах могильных – роса...
У ваших вождей

Молодые глаза
И ветер летит в паруса...
С пакетов молчанья
Осыпался клей
И хрустнул на ваших зубах!
Да только не стало,
Не стало светлей
В нечитанных наших гробах.

Глава I. У истоков внешней разведки

Победа Октябрьской революции и возможный выход России из Первой мировой войны встретили враждебное отношение в лагере Антанты. С первых дней триумфального шествия советской власти по стране ведущие державы этого блока – Англия, Франция, Италия, Япония и США – организовали заговор против Советской России, предусмотрев, в частности, арест советского правительства и убийство В. И. Ленина. «Заговор послов» был успешно ликвидирован чекистами благодаря энергичным мерам, предпринятым Ф. Э. Дзержинским. Страны Антанты организовали вооруженную интервенцию против своей бывшей союзницы. Началась Гражданская война. Советская Россия сумела разгромить интервентов и изгнать их из страны.

Однако никто не мог гарантировать, что внешние заговоры против Страны Советов на этом прекратятся, поэтому созданная еще 20 декабря 1917 года Всероссийская чрезвычайная комиссия уделяла неизменное внимание получению разведывательной информации из-за рубежа. В начале 1918 года Дзержинский направляет со специальным разведывательным заданием в Финляндию сотрудника ВЧК Филиппова. Позже по поручению Дзержинского в Турцию с разведывательным заданием выезжает спецгент ВЧК Султанов. По заданию особых отделов, созданных в декабре 1918 года, сотрудники и агенты ВЧК направляются в тылы германских войск на Украине, в Прибалтике и в Белоруссии для ведения разведки и организации партизанских отрядов.

В то же время в Москве понимали, что решить вопросы, связанные с ведением закордонной разведки в стане противника, только путем засылки агентуры за линию фронта было нельзя. Поэтому осенью 1920 года, проанализировав причины поражения Красной Армии в войне с панской Польшей, Политбюро ЦК РКП (б) пришло к выводу о необходимости для страны иметь надежную разведку. Было принято решение о создании самостоятельной разведывательной службы внутри органов ВЧК. Исходя из этого решения партии, 20 декабря 1920 года Ф. Э. Дзержинский подписал приказ № 169 «О создании Иностранного отдела (ИНО) ВЧК». Исполняющим обязанности начальника ИНО стал Яков Христофорович Давыдов (настоящая фамилия – Давтян).

Родился Яков Давтян 10 октября 1888 года в селе Верхние Акулисы Нахичеванского края в семье крестьянина, занимавшегося мелкой торговлей и садоводством. Отец мальчика умер, когда ему исполнилось всего два года, и мать с двумя детьми на руках осталась без средств к существованию. Вскоре брат матери, служивший в Тифлисе, взял Якова в свой дом на воспитание. Яков поступил в лучшую в городе 1-ю Тифлисскую гимназию. Интересно отметить, что одновременно с Яковом Давтяном в этой гимназии в 1900–1903 годах учился будущий замечательный русский поэт Николай Гумилев.

В 1905 году 17-летний Яков вступил в партию большевиков. Вел работу в ученических и рабочих кружках, находился под негласным надзором полиции.

В 1907 году Я. Давтян окончил гимназию и приехал в Петербург, чтобы поступить в Петербургский университет. Одновременно принимал активное участие в деятельности Петербургской организации РСДРП (б): являлся членом бюро райкома, а затем – членом горкома партии. Работал в ее военной организации, в редакции газеты «Голос казармы», вел агитацию среди солдат.

В конце 1907 года Яков Давтян был арестован полицией «за революционную деятельность». В мае 1908 года был выпущен из тюрьмы под залог и эмигрировал из России в Бельгию,

где продолжил учебу в Политехническом университете и получил инженерное образование. Являлся членом Бельгийской социалистической партии и сотрудничал с ее печатными изданиями. Вместе с видным революционером М. М. Литвиновым участвовал в работе русских эмигрантских организаций. В Бельгии он подружился с известной революционеркой Инессой Арманд, проживавшей там в эмиграции.

1 августа 1914 года началась Первая мировая война. Германская армия вероломно вторглась на территорию нейтральной Бельгии и вскоре оккупировала ее. В 1915 году Яков Давтян был арестован германскими оккупационными властями «за ведение антигерманской агитации» и заключен в тюрьму города Аахен. Провел восемь месяцев в одиночной камере, затем был переведен в лагерь для интернированных, находившийся на территории Германии. За неоднократные попытки побега был направлен в штрафной лагерь.

В августе 1918 года, через пять месяцев после подписания Россией Брестского мира с Германией, Яков Давтян по ходатайству первого советского полпреда в Берлине А. А. Иоффе был освобожден немцами из лагеря для военнопленных и вернулся в Россию. В сентябре того же года он становится заместителем председателя Московского губсовнархоза, который возглавляла Инесса Федоровна Арманд, и фактически руководит его работой. К этому периоду относится и его сотрудничество с газетой «Правда», в которой Яков Христофорович публиковал статьи на экономические и политические темы.

В феврале 1919 года партия направляет Я. Давтяна в составе миссии Российского Красного Креста во Францию для решения вопроса о возвращении на родину солдат и офицеров 40-тысячного Русского экспедиционного корпуса. В миссию, которую возглавлял видный революционер Д. З. Мануильский, входила также и И. Ф. Арманд, долгие годы проживавшая в этой стране. Поначалу французы враждебно встретили посланцев революционной России, однако затем были вынуждены согласиться отпустить на родину русских солдат, оказавшихся на чужбине.

В мае 1919 года Яков Давтян и Инесса Арманд сошли с борта французского парохода в Новороссийском порту. Усевшись в пролетку, они собрались было отправиться в путь, но вдруг с трапа парохода сбежал бородатый солдат и, схватив рысака под узцы, громко крикнул: «Товарищи! Не уезжайте! Одну минуточку!»

Седоки повернулись в сторону парохода, и с палубы корабля, как раскаты грома, донеслось троекратное «ура!». Это русские солдаты, возвратившиеся на родину, благодарили Давтяна и Арманд за свое вызволение.

Возвратившись в Москву, Давтян обратился в ЦК партии с просьбой предоставить ему работу с учетом приобретенного зарубежного опыта. В июне 1919 года он был направлен на Украину в качестве особоуполномоченного Совета обороны для инспекции политотделов военных учреждений. В связи с отступлением Красной Армии из Киева в августе 1919 года ему был выдан мандат следующего содержания:

«Тов. Давтяну поручается восстановление порядка в районе Киевского железнодорожного узла, прекращение бесчинств войсковых эшелонов, задержание дезертиров, выселение из вагонов всех лиц, коим по штатам ими пользоваться не положено. Тов. Давтян имеет право ареста с последующим преданием суду состоящего при нем Ревтрибунала всех не подчиняющихся его распоряжениям, право пользования прямыми проводами, телефонным, телеграфным, право проезда в любом поезде и пользования отдельным паровозом».

В сентябре 1919 года Давтян был направлен на Южный фронт начальником политотдела 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. В начале 1920 года Давтяна вновь отзывают в Москву, теперь уже для работы в Наркомате иностранных дел. Через несколько дней он назначается на должность первого секретаря советского полпредства в Ревеле (Таллине) и направляется туда в командировку. Затем из Ревеля его переводят в Лондон секретарем делегации Л. Б. Каменева.

После возвращения из Лондона в октябре 1920 года Яков Христофорович работает в центральном аппарате НКВД заведующим отделом прибалтийских стран и Польши и одновременно является членом коллегии наркомата. По рекомендации И. Ф. Арманд на молодого дипломата обратил внимание Ф. Э. Держинский. По его ходатайству Оргбюро ЦК РКП (б) на заседании 12 ноября 1920 года принимает решение «откомандировать Давтяна Я. Х. в распоряжение ВЧК», где, как предполагалось, он должен был возглавить создаваемый Иностранный отдел (внешнюю разведку).

Дело это было новое и связанное с многочисленными трудностями. Не хватало грамотных сотрудников, владевших секретами чекистского мастерства, навыками ведения разведки за рубежом и свободно говоривших на иностранных языках. Скучным был и бюджет внешней разведки, а задачи перед ней стояли большие. Сам Давтян, правда, имел некоторый опыт работы за рубежом, в основном по линии НКВД, однако разведка, которой он должен был руководить, была для него «terra incognita». К тому же первому организатору ИНО ВЧК в ту пору было всего 32 года.

Поскольку Яков Христофорович числился сразу за двумя ведомствами, было решено, что в целях конспирации в ИНО ВЧК он будет работать под фамилией Давыдов.

В приказе Ф. Э. Держинского о создании Иностранного отдела ВЧК, в частности, указывалось:

«1. Иностранный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного отдела ОО ВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностранный отдел ВЧК подчинить начальнику Особотдела тов. Менжинскому.

4. Врид. начальника Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить только через Иностранный отдел».

Давтян активно включился в процесс разработки Положения об Иностранном отделе ВЧК, определения его структуры и штатного состава. Но если в Наркоминделе, где Давтян одновременно продолжал работать, он был официально утвержденным начальником отдела и членом коллегии, то его статус в ИНО в качестве исполняющего обязанности начальника был менее определенным. Держинский, которому Давтяна рекомендовала Арманд, разумеется, знал об их дружеских отношениях. Знал он и о теплых отношениях революционерки с В. И. Лениным. Однако с официальным назначением Давтяна на столь ответственный пост Держинский не торопился, желая, очевидно, более детально изучить его личные и деловые качества.

Подобное положение, видимо, не устраивало Давтяна. Через месяц официальной работы в качестве исполняющего обязанности руководителя внешней разведки органов госбезопасности он пишет служебную записку в Управление делами ВЧК:

«Ввиду того, что исполняя обязанности начальника Иностранного отдела с 30 ноября 1920 года, я числюсь в резерве назначения Административного отдела, прошу провести меня приказом по занимаемой должности».

Однако его просьба не была удовлетворена. Сегодня трудно сказать, чем это было вызвано. Возможно, Держинский присматривался к исполняющему обязанности начальника внешней разведки, но не исключено, что причиной был его неровный характер и «кавказский темперамент», о чем речь пойдет дальше. Тогда Давтян подает рапорт с просьбой перевести его на дипломатическую работу за рубежом.

20 января 1921 года руководство ВЧК освободило Давтяна от занимаемой должности в ИНО. Он возвращается в НКВД, который в ту пору возглавлял Г. В. Чичерин, и назначается советником полпреда РСФСР при Венгерской Советской Республике. Одновременно с Давтяном было оговорено, что за рубежом он будет выполнять и поручения Дзержинского. Преемником Давтяна на посту начальника ИНО ВЧК стал Рубен Катанян.

Наша справка

Рубен Павлович Катанян родился в 1881 году в Тифлисе в семье служащего. Отец его был учителем гимназии, мать – домохозяйкой. После окончания 1-й Тифлисской гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета. В 1903 году вступил в московскую студенческую группу РСДРП. Активный участник революции 1905 года в Москве. В 1906 году окончил Московский университет и стал заниматься адвокатской практикой. Сотрудничал в газетах социал-демократического направления. В 1907 году был направлен для ведения партийной работы в Закавказье. С 1912 года находился под негласным надзором полиции.

В 1917 году состоял в организации объединенных социал-демократов-интернационалистов. Был членом редколлегии газеты «Известия». После победы Октябрьской революции редактировал газету «Красный воин» 11-й армии в Астрахани. Участвовал в создании Московской ЧК. С июля 1919 по июнь 1920 года – заместитель начальника политуправления Реввоенсовета республики. Затем являлся заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП (б). 20 января 1921 года назначен начальником Иностранного отдела ВЧК.

На посту начальника внешней разведки Рубен Павлович Катанян проработал недолго, всего до 10 апреля, и по собственному желанию перешел на прокурорскую работу. В дальнейшем он трудился в Прокуратуре РСФСР, Верховном суде СССР и Прокуратуре СССР. Курировал деятельность органов госбезопасности. Был награжден орденом Ленина и нагрудным знаком «Почетный чекист». Имел звание профессора Московского университета.

В 1938 году Р. П. Катанян был репрессирован. С 1938 по 1948 год и с 1950 по 1955 год находился в заключении, а с 1948 по 1950 год – в ссылке. Полностью реабилитирован в 1955 году.

Скончался в Москве 6 июня 1966 года.

* * *

С 10 апреля 1921 года Иностранный отдел ВЧК вновь возглавил, но теперь уже в должности официального начальника, Яков Христофорович Давтян. Объяснялось это просто: пока кадровый аппарат Наркоминдела оформлял Давтяна на работу в Венгерскую Советскую Республику, революция в ней была подавлена, и вопрос о его дипломатической службе за кордоном отпал.

Но и Давтян недолго руководил Иностранным отделом. Уже в августе 1921 года он вновь переводится на дипломатическую работу и назначается полпредом РСФСР в Литве. Пробыв в Ковно до сентября того же года, он возвращается в Москву и назначается временным поверенным в делах РСФСР в Китае в ранге советника. При этом Давтян, как было оговорено ранее, одновременно утверждается главным резидентом ИНО ВЧК в Китае, где в ту пору работало около десятка разведывательных коллективов.

Через некоторое время после прибытия в Пекин в служебном письме на имя своего преемника на посту начальника Иностранного отдела Михаила Трилиссера Яков Давтян пишет: «Нашу работу здесь я считаю чрезвычайно важной и полагаю, что тут можно многое сделать».

Яков Христофорович энергично взялся за дело. Через полгода он докладывает в Центр:

«Работа здесь весьма интересная, захватывающая, но очень трудная, чрезвычайно ответственная. Отдаленность от Москвы, плохая связь, взаимное непонимание еще больше осложняют нашу работу... Я никогда (даже в ИНО) так много не работал, как здесь, и никогда это не стоило мне таких нервов».

Объяснялось это тем, что у Якова Христофоровича не сложились отношения с руководителем резидентуры ИНО в Пекине Аристархом Рыльским, который считал, что Давтян дублирует его работу. Следует также иметь в виду, что в те годы органы государственной безопасности еще находились в стадии становления: плохой была дисциплина, многие чекисты голосовали за платформу оппозиции, возглавляемой Троцким, нуждались в укреплении принципов единоначалия и субординации. Требовалось наведение элементарного порядка в работе, и Давтян принимает энергичные меры. Это, несомненно, дало свои плоды, и 9 декабря 1922 года в служебном письме на имя Трилиссера он так характеризует Рыльского:

«О Рыльском ничего плохого сказать не могу, но и особенно хвалить также не стану. Он сильно подтянулся с моим приездом, и есть надежда, что будет полезен. Посмотрим».

Но уже со следующей почтой в Центр ушло новое письмо главного резидента:

«Я буду просить вас заменить Рыльского. Он абсолютно не справляется со своими заданиями, так как ленив и вял».

А еще через месяц, 9 января 1923 года, в адрес начальника разведки летит новое послание:

«Вопреки моему прежнему мнению, Рыльский оказался более симпатичным, чем я ожидал. У него есть некоторая вялость в работе, но в общем и целом он работает недурно и ведет себя очень хорошо. Я им почти доволен и прошу его не заменять, сработался он со мной хорошо».

Однако у Центра было иное мнение в отношении Рыльского. Понимая, что главной причиной неровного отношения к нему Давтяна является характер последнего, Центр принял решение отозвать Рыльского в Москву, ибо его непростые взаимоотношения с главным резидентом могли поставить под удар всю работу советской разведки в Китае.

Следует подчеркнуть, что этот отзыв не отразился на положении Рыльского в разведке: вскоре он был направлен резидентом ОГПУ в Данию. Затем получил назначение в Париж. В дальнейшем работал руководителем других резидентур как по линии «легальной», так и нелегальной разведки. Яков Христофорович еще не раз встречался с ним, работая за рубежом, но уже в качестве «чистого» дипломата.

Кремль придавал большое значение укреплению всесторонних связей с Китаем, который являлся самой крупной соседней страной. К тому же после Октябрьской революции в Маньчжурии укрылись многочисленные белогвардейские вооруженные организации. Здесь же была значительная – до нескольких десятков тысяч человек – русская колония, работавшая в основном на принадлежавшей СССР Китайско-Восточной железной дороге. Центру было важно знать истинное положение дел в соседней стране, особенно планы белогвардейской вооруженной эмиграции.

Через год после приезда в Пекин Я. Х. Давтян докладывал начальнику внешней разведки:

«Несколько слов о нашей специальной работе. Она идет хорошо. Если Вы следите за присылаемыми материалами, то, очевидно, видите, что я успел охватить весь Китай, ничего существенного не ускользает от меня. Наши связи расширяются. В общем, смело могу сказать, что ни один шаг белых на всем Дальнем Востоке не остается для меня неизвестным. Все узнаю быстро и заблаговременно».

На чем основывались такие оценки главного резидента ОГПУ в Китае? Давтяну действительно удалось активизировать работу разведки в этой стране, особенно по белой эмиграции. В частности, мукденская резидентура через свою агентуру в японских спецслужбах добыла уникальный архив белогвардейской контрразведки, касающийся всего Дальнего Востока. Полу-

ченные документы Давтян направил в Центр специальным курьером. В сопроводительном письме на имя начальника разведки М. А. Трилиссера он не без гордости писал:

«Дорогой Михаил Абрамович! С сегодняшним курьером посылаю Вам весь архив бело-гвардейской контрразведки, полученный в Мукдене. Прошу принять меры, чтобы архив этот не “замариновался” и был использован».

В середине 1923 года в направленном в Центр отчете о проделанной работе Давтян сообщал:

«Работу я сильно развернул. Уже теперь есть приличная агентура в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Мукдене. Ставлю серьезный аппарат в Харбине. Есть надежда проникнуть в японскую разведку.

Мы установили очень крупную агентуру в Чанчуне. Два лица, которые будут работать на нас, связаны с японцами и белогвардейщиной. Ожидаю очень много интересного».

Несмотря на эмоциональную окрашенность служебных писем, Давтян в целом не преувеличивал достижений своих сотрудников.

Уже к концу 1920-х годов харбинская резидентура станет ведущей в работе против Японии и белогвардейской эмиграции. Именно в Харбине сотрудник резидентуры Василий Пудин получит план японской военщины в отношении СССР, который затем войдет в историю под названием «меморандум Танаки». Им же будет добыто свыше двадцати японских шифров.

В годы Великой Отечественной войны из Китая будет поступать весьма важная политическая информация по Японии.

А основы этой блестящей работы советской внешней разведки в данном регионе были заложены в ту пору, когда главным резидентом Иностранного отдела ГПУ – ОГПУ в Китае был Яков Христианович Давтян.

Совмещать сразу две должности – временного поверенного в делах РСФСР в Китае и главного резидента ИНО ГПУ – ОГПУ – для Я. Х. Давтяна было непросто. И он ставит перед Центром вопрос о том, чтобы его освободили от одной из должностей, однако в силу своего «кавказского темперамента» делает это излишне эмоционально. В ответ на указания Центра относительно дальнейшего совершенствования работы советской разведки в Китае Давтян 6 сентября 1923 года пишет Трилиссеру:

«Я полагаю, что в Пекине лучше видно положение дел, чем из Москвы. Если Вы с этим не согласны, то тогда прошу освободить меня от работы совершенно».

Конечно же, Давтян был абсолютно неправ. Ведь в Центр стекались разведывательные сведения по Китаю не только из руководимых им резидентур в этой стране, но и из многих других резидентур, в том числе действовавших в Европе, Азии и Америке. Поэтому именно Центр обладал большей информацией относительно внутреннего положения дел в Китае, нежели Давтян.

В другом письме на имя начальника разведки Давтян, в ответ на некоторые дружеские замечания Трилиссера, делится с ним следующими мыслями:

«Я думаю, что мне было бы целесообразно отказаться от работы в ИНО, т. к. я совершенно не могу согласиться с Вашими методами действий».

Не все гладко складывалось у него и с НКВД. Китай, как уже отмечалось, занимал видное место во внешнеполитических планах советского руководства, а это требовало от Давтяна напряженной работы по линии наркомата. Москва высказывала пожелания улучшить работу полпредства, что также вызывало у него болезненную реакцию. В личных письмах на Лубянку он жаловался на НКВД и замечал, что «Пекин, по-видимому, будет моей последней работой в этом милом учреждении».

Однако в Москве решили по-иному. В апреле 1924 года Яков Давтян заменяется на посту главного резидента в Китае и отзывается из Пекина. В Москве он окончательно переводится в НКВД СССР, где по-прежнему ощущается острая нехватка квалифицированных кадров.

Летом 1924 года Яков Христофорович назначается полпредом СССР в Тувинской Республике и одновременно становится председателем полномочной комиссии ЦИК СССР по урегулированию двусторонних отношений и инспекции советских учреждений. Решив задачи, поставленные перед ним в Кызыле, осенью того же года Давтян возвращается в Москву.

Вскоре Давтян получает новое назначение: полпредом СССР в Венгрии. Однако режим адмирала Хорти не ратифицировал уже подписанный советско-венгерский договор об урегулировании спорных вопросов, и дипломатические отношения между двумя странами так и не были установлены.

В 1924–1925 годах Давтян находился на партийно-хозяйственной работе в Москве. В течение двух месяцев он трудился заместителем председателя треста «Чаеуправление», затем занимался партийной работой на фабрике «Большевичка», к партийной ячейке которой был прикреплен.

В начале 1925 года Давтян возвращается в НКВД и в мае назначается советником полпреда СССР во Франции, которое в то время возглавлял известный революционер и активный сторонник Троцкого Христиан Раковский. В Париже Давтян принимает участие в работе различного рода международных конференций, неоднократно замещает полпреда, которому в Москве не очень доверяли из-за его близости к Троцкому, и по-прежнему оказывает помощь резидентуре ИНО ОГПУ.

Осенью 1927 года Давтян назначается полномочным представителем СССР в Персии (Иране) и работает на этой должности до декабря 1929 года.

По возвращении в СССР Яков Христофорович был переведен на административную работу. С 3 февраля по 30 июня 1930 года он являлся директором Ленинградского политического института и провел его реорганизацию. Под его руководством ЛПИ был разделен на ряд профильных институтов. 1 июля того же года Давтян назначается директором Ленинградского машиностроительного института Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). 23 января 1931 года переводится на работу в ВСНХ СССР – начальником сектора проверки исполнения.

В 1932 году Давтян вновь возвращается в НКВД и назначается полпредом СССР в Греции, а в апреле 1934 года – полпредом СССР в Польше. На VII съезде Советов СССР в 1935 году он избирается членом ЦИК СССР.

Однако близкое знакомство в период работы во Франции с одним из видных троцкистов Раковским не прошло для Давтяна даром.

21 ноября 1937 года Яков Христофорович был арестован в Москве по обвинению в принадлежности к «антисоветской террористической организации». Вскоре он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и 28 июля 1938 года расстрелян.

25 апреля 1957 года Я. Х. Давтян был полностью реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР в связи с отсутствием состава преступления.

Имя Якова Христофоровича Давтяна (Давыдова), как одного из непосредственных организаторов внешней разведки нашей страны, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Глава II. Руководитель ИНО

В марте 1922 года по предложению Ф. Э. Держинского начальником Иностранного отдела ГПУ был назначен руководителем его закордонной части Меер Абрамович Трилиссер. На этом посту он успешно проработал до конца октября 1929 года, что в те времена было своего рода рекордом, и оставил яркий след в истории внешней разведки органов госбезопасности.

Меер Трилиссер родился 1 апреля 1883 года в Астрахани в семье сапожника. Многодетная семья не отличалась особым достатком, поэтому Меера в 10 лет отдали в городское реальное училище, дававшее среднее образование и основы коммерческой деятельности. После его окончания 17-летний юноша в поисках лучшей доли уехал на работу в Одессу. В 1901 году вступил в члены Южной революционной группы социал-демократов. В том же году был арестован за революционную деятельность и выслан под гласный надзор полиции по месту рождения – в Астрахань.

Во время революции 1905 года Трилиссер находился в Казани, где вел революционную пропаганду среди военнослужащих Казанского гарнизона. Затем по указанию ЦК партии большевиков он был направлен в Петроград. Работал в военном комитете ЦК РСДРП (б), где руководил финляндской военной организацией партии. Являлся одним из организаторов первой конференции РСДРП (б) в Таммерфорсе (Тампере) в 1905 году. Руководил восстанием военных моряков в Свеаборге.

В июле 1907 года Меер Трилиссер был арестован царской полицией, препровожден в Петропавловскую крепость для особо опасных преступников и около двух лет находился под следствием. В ходе следствия было установлено, что в декабре 1906 года он организовал побег с гарнизонной гауптвахты города Выборга около сотни революционно настроенных солдат и матросов, содержащихся там в ожидании суда за участие в вооруженном восстании.

Вначале жандармским управлением были получены сведения, что организатор побега заключенных проходит по делам охраны под псевдонимами «Анатолий», он же «мещанин Стольчевский», он же «Капустянский», «Мурский» и «Павел-очки», а также приметы молодого человека: «среднего роста, еврейского типа, черные волосы, пользуется пенсне, одевается в черное пальто, под которым носит косоворотку синего цвета».

Вскоре подлинные фамилия и имя революционера были выявлены. В донесении жандармского полковника Яковлева в департамент полиции, помеченном: «Весьма нужное. Совершенно секретное», сообщалось, что «организатор побега – главный руководитель финляндской военной организации РСДРП (б), уроженец Астрахани Михаил (Меер) Трилиссер».

В 1909 году Трилиссер был приговорен к восьми годам каторжных работ. До ноября 1914 года он отбывал заключение в Шлиссельбургской крепости, а затем был сослан на вечное поселение в Сибирь.

После Февральской революции 1917 года Трилиссер был амнистирован и переехал в Иркутск. Он работает редактором местной газеты «Голос социал-демократа», а затем по решению партии возглавляет военную организацию Иркутского комитета большевиков. В марте 1917 года назначается секретарем Иркутского совета, в октябре того же года на 1-м Общесибирском съезде Советов избирается членом ВЦИК Центросибири и одновременно становится членом губкома РСДРП (б).

С победой Октябрьской революции Трилиссер принимает активное участие в установлении советской власти в Сибири, организует борьбу с контрреволюцией и саботажем, участвует в подавлении юнкерского мятежа в Иркутске в декабре 1917 года.

После мятежа Чехословацкого корпуса и военного переворота, осуществленного осенью 1918 года адмиралом Колчаком, в Сибири устанавливается белогвардейская диктатура. Трилиссер вместе с другими революционерами-большевиками уходит в подполье и переезжает на Дальний Восток, в город Благовещенск. Здесь он входит в состав коллегии советского военного комиссариата по Восточной Сибири и Забайкалью.

С образованием в 1921 году Дальневосточной республики (ДВР) Трилиссер назначается комиссаром по Амурской области, избирается членом Дальневосточного бюро РКП (б) и входит в руководящий состав Государственной политической охраны ДВР, выполнявшей функции контрразведки этой буферной республики. В рамках ГПО он создает первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу для связи с Москвой и начинает формировать разведывательный агентурный аппарат.

Вскоре в центральный аппарат ВЧК в Москве из Дальневосточной республики начинают постоянно поступать шифрованные телеграммы о служебных переговорах Трилиссера с командованием Красной Армии, действовавшей против взбунтовавшегося чехословацкого корпуса и японских воинских подразделений, о планах Японии, США и белогвардейцев на Дальнем Востоке. Приведем одно из сообщений Трилиссера в Центр того периода:

«Получил информацию, что японское командование выдвигает вопрос о мирных переговорах. Местом встречи предполагается Харбин. Противник поспешно отступает, взорвав водокачку и разобрав железнодорожные пути. Нельзя ли получить аэроплан для ведения разведки?»

Сведения, получаемые от Трилиссера, представляют интерес не только для ВЧК, но и для Народного комиссариата по иностранным делам. Нарком Г. В. Чичерин шлет ему телеграмму, в которой, в частности, говорится: «Ваша энергичная деятельность и приятные меры всецело находят одобрение и решительную поддержку центрального правительства».

После изгнания интервентов с советского Дальнего Востока Трилиссер избирается секретарем Амурского обкома партии и одновременно является редактором газеты «Амурская правда». В марте 1921 года в качестве делегата от коммунистов Забайкалья участвует в работе X съезда РКП (б), провозгласившего новую экономическую политику (НЭП) и создавшего условия для перехода большинства крестьянства на сторону большевиков.

После завершения работы съезда Трилиссеру предложили занять должность заведующего Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна. Однако проработал он на этой должности всего несколько месяцев.

В августе того же года с Трилиссером встретился Ф. Э. Дзержинский и предложил ему перейти на работу в ВЧК, в Иностранный отдел. Трилиссер, имевший опыт агентурной работы на Дальнем Востоке, согласился. Он был назначен начальником закордонной части Иностранного отдела ВЧК. В 1920-е годы, помимо закордонной части разведки, которая действовала за рубежом, разведку сопредельных стран вели полномочные представительства ВЧК – ГПУ, а затем ОГПУ в приграничных районах – в Белоруссии, на Украине, в Закавказье, Средней Азии, Забайкалье, на Дальнем Востоке. Они имели право направлять свою агентуру в сопредельные страны. Подобная система деления разведки на закордонную и внутреннюю существовала до 1930 года и была упразднена в связи с реорганизацией органов госбезопасности.

Когда Трилиссер пришел в отдел, весь его состав размещался в одной большой общей комнате. Ему предстояло организовать разведывательную работу в странах Восточной и Западной Европы. В декабре 1921 года Трилиссер становится вторым лицом в Иностранном отделе – заместителем его начальника С. Г. Могилевского.

6 февраля 1922 года декретом ВЦИК РСФСР упраздняется ВЧК. На ее базе создается Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. А 13 марта М. А. Трилиссер назначается начальником Иностранного отдела ГПУ. Он сменил на этом посту С. Г. Могилевского, возглавившего Закавказское ГПУ. С приходом Трилиссера к руко-

водству внешней разведки молодого государства начался, по сути дела, новый профессиональный период ее деятельности. Разведка стала работать в полную силу: сказывался опыт агентурной работы ее нового руководителя.

В 1922 году Гражданская война закончилась на всей территории России. Страна получила мирную передышку, которую необходимо было использовать для восстановления разрушенного хозяйства. В. И. Ленин предупреждал, что Россия получила не мир, а только мирную передышку, которая продлится не более двадцати лет. Его предвидение оправдалось: в новую мировую войну Советская Россия, вернее СССР, была втянута через девятнадцать лет – в 1941 году.

Внутри страны по предложению В. И. Ленина осуществлялся НЭП. Советская Россия нуждалась в иностранных специалистах, оборудовании, технологиях, капиталах. Их можно было получить в странах Европы, прежде всего в Германии, которая, подобно Советскому Союзу, также находилась в изоляции. В 1922 году в Генуе состоялась международная конференция по экономическим и финансовым вопросам с участием делегации Советской России. Новую власть в нашей стране были вынуждены признать Англия и Франция, ранее организовавшие против нее иностранную интервенцию.

М. А. Трилиссер так определил задачи внешней разведки на тот период:

- выявление на территории каждого иностранного государства контрреволюционных организаций и групп, ведущих подрывную работу против Советской России;
- разработка спецслужб противника, занимающихся шпионажем против нашей страны;
- добыча секретной политической и экономической информации по зарубежным странам;
- получение документальных материалов по всем линиям работы.

Для решения стоявших перед внешней разведкой задач М. А. Трилиссер пригласил на работу в ИНО большую группу своих соратников по подпольной работе в военной организации партии, а также по работе на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. Двое из них – С. Г. Вележев, с которым М. А. Трилиссер работал в Сибири в 1917–1918 годах, а также его соратник по дореволюционному подполью А. В. Логинов (настоящая фамилия – Бустрем) стали его заместителями. Ответственные посты в Иностранном отделе заняли Я. Г. Минскер, Я. М. Бодеско и другие опытные чекисты, которых Трилиссер хорошо знал и которым доверял.

При Трилиссере штаты внешней разведки были расширены до 70 человек. В закордонной части ИНО стало шесть географических отделов. Работникам зарубежных резидентур ИНО была предоставлена большая свобода в вербовке агентуры, а резиденты имели право включать их в агентурную сеть без согласования с Центром. Формируя штаты ИНО, Трилиссер обращал особое внимание на профессиональную подготовку сотрудников, знание ими иностранных языков, умение работать с агентурой, приспосабливаться к быстро меняющимся условиям.

Для выполнения поставленных перед внешней разведкой задач Трилиссер создает новые закордонные аппараты и комплектует их грамотным оперативным составом. Под его руководством были образованы резидентуры ИНО в Берлине, Лондоне, Париже, Вене, Риме. На Востоке – в Токио, Пекине, Харбине, Сеуле – были созданы нелегальные резидентуры.

В 1922 году в Берлине была создана первая «легальная» резидентура ИНО ГПУ под руководством Бронислава Брониславовича Бортновского. Она располагала весьма ценными источниками информации по самой Германии, а также другим странам. В Центр направлялись, в частности, ежемесячные доклады Министерства государственного хозяйства Германии об экономическом положении страны, сводки главного управления берлинской полиции (полиций-президиума) о внутривнутриполитическом положении Германии и деятельности основных политических партий. Резидентура добывала ценные сведения о позиции Франции в отношении Советской России, материалы по Польше. Центр высоко оценивал деятельность своей берлин-

ской резидентуры. В заключении о работе ее аппарата говорилось: «Материалы дипломатического характера очень интересны, в большинстве своем вполне заслуживают внимания».

В Центр мощным потоком пошла разведываемая информация, в первую очередь – о замыслах вооруженной эмиграции и ее связях со спецслужбами иностранных государств.

Борьба с вооруженной эмиграцией имела в те годы приоритетное значение для всего ГПУ, включая его Иностранный отдел. 11 января 1923 года решением Политбюро ЦК РКП (б) в недрах ГПУ было создано межведомственное Особое бюро по дезинформации во главе с членом ЦК И. Уншлихтом «в целях систематизации работы по введению в заблуждение иностранных государств о внутренней и внешней политике СССР, а также о состоянии его вооруженных сил и мероприятиях по обороне Республики». В состав Дезинформационного бюро входили представители ГПУ, Разведотдела штаба РККА и НКВД. На него возлагалась задача разработки и информационного обеспечения акций тайного влияния, направленных на политическую и военно-стратегическую дезинформацию правительств и командования вооруженных сил иностранных государств. Так организационно оформилось одно из важнейших направлений деятельности внешней разведки того периода. Дезинфбюро сыграло важную роль в подготовке и проведении таких знаменитых операций органов госбезопасности, как «Трест», «Синдикат», «Академия», «Тарантелла». Всего спецопераций, в разработке которых принимал непосредственное участие М. А. Трилиссер, было реализовано более пятидесяти. Следует отметить, что в осуществлении ряда операций, например, против Русского общевоинского союза (РОВС), важную роль сыграли бывшие царские генералы Павел Дьяконов и Николай Скоблин, а также бывший министр Временного правительства Сергей Третьяков. Расскажем об одном из них.

Разведчик Павел Дьяконов

Октябрьская революция 1917 года развела офицеров и генералов старой русской армии по разные стороны баррикад. Часть из них приняла советскую власть. Некоторые патриотически настроенные кадровые военные, волей судьбы оказавшиеся за пределами родины, стали сотрудничать с внешней разведкой молодого Советского государства и внесли значительный вклад в обеспечение его безопасности. Среди таких патриотов достойное место занимает представитель первого поколения советских разведчиков – Его Императорского Величества Генерального штаба Российской армии генерал-майор Дьяконов.

Мартовским вечером 1924 года в вестибюль советского посольства на улице Гренель в Париже вошел среднего роста худощавый господин, одетый в плащ и дорогой темный костюм-тройку. Обратившись к дежурному дипломату, он попросил о немедленной встрече с советским послом:

– Речь идет о военном заговоре против Республики Совдепов. Я – один из непосредственных участников этого заговора. Меня зовут Павел Павлович Дьяконов.

Слово «заговор» подействовало, и гостя сразу же провели в отдельный кабинет, где с ним встретился резидент ИНО ОГПУ. Он попросил Павла Павловича изложить на бумаге ставшие известными ему сведения. Через некоторое время сообщение Дьяконова с соответствующими комментариями резидента было доставлено дипкурьером в Москву. Ознакомившись с ним, руководитель внешней разведки Трилиссер отметил:

«Генерал очень вовремя напомнил о себе. Его сообщению можно верить: он честный служака, в расстрелах и казнях не замешан. Его информация вполне достоверна и перекрывается сведениями из других источников. Впрочем, прежде чем довериться Дьяконову, нам следует его хорошенько изучить: как-никак – это один из видных членов РОВС...»

В материале Дьяконова содержалась исключительно важная информация о программе тотального террора за пределами СССР против советских граждан и учреждений, которую намеревались осуществить боевики Русского общевоинского союза.

Террор и диверсии стали к тому времени главным оружием этой организации, ставившей своей целью свержение большевистского режима. В сообщении Дьяконова также указывалось, что руководство РОВС одновременно приняло решение готовить в западноевропейских городах, где имелись филиалы организации, «тройки» и «пятерки» террористов для заброски непосредственно на советскую территорию с целью проведения там терактов и организации вооруженных выступлений населения.

Имя генерал-майора Дьяконова, бывшего российского военного атташе в Великобритании, было хорошо известно руководству внешней разведки. Поэтому в Москве к его информации отнеслись исключительно внимательно. На следующий день на стол начальника Иностранного отдела легли материалы на Дьяконова, которыми располагал Центр.

«Павел Павлович Дьяконов родился 4 февраля 1878 года в городе Москве в семье военнослужащего.

С 17 лет он связал свою жизнь с армией. После завершения в 1895 году учебы в Московской практической академии коммерческих наук он поступил вольноопределяющимся в 5-й гренадерский Киевский полк, став кадровым военным. С отличием окончил Казанское пехотное юнкерское училище, а в 1905 году – Николаевскую Академию Генерального штаба. Принимал участие в Русско-японской войне.

До конца 1913 года Дьяконов работал на различных должностях в Главном управлении Генерального штаба. В июле 1914 года был назначен помощником военного атташе в Лондоне. При этом было учтено безупречное знание им английского, немецкого и французского языков. В начале Первой мировой войны Дьяконов подал рапорт с просьбой о переводе в действующую армию, и в сентябре 1914 года был направлен на фронт.

В январе 1916 года полковник Дьяконов был назначен командиром 2-го Особого полка русского экспедиционного корпуса, отправленного во Францию. Принимал активное участие в сражениях против немцев. Его боевые заслуги были отмечены семью высшими русскими и пятью иностранными орденами, в том числе – французским офицерским крестом Почетного легиона, что давало ему право на получение французского гражданства.

В начале 1917 года Дьяконов был переведен на работу в Генеральный штаб. По представлению начальника Генерального штаба за боевые отличия был произведен Николаем II в генерал-майоры. В сентябре того же года откомандирован в Лондон для исполнения обязанностей военного атташе, где оставался до 1 мая 1920 года. После закрытия аппарата российского военного атташе в Великобритании в мае 1920 года переехал на постоянное жительство во Францию.

В белогвардейском движении на территории России не участвовал. Ни он, ни члены его семьи никогда не высказывали враждебных намерений против новой власти в России»...

Последние строчки Трилиссер подчеркнул жирной чертой, а в левом углу документа написал: «Провести с генералом Дьяконовым доверительную беседу и выяснить его дальнейшие намерения».

Резидент ИНО ОГПУ провел в Париже очередную встречу с генералом. В ходе беседы Дьяконов рассказал, что планами РОВС активно интересуется великий князь Кирилл Владимирович, который просил генерала постоянно снабжать его информацией о деятельности этой организации. Он отметил, что князь хочет знать все, что Кутепов и его боевики замышляют против русских монархистов.

Чистота помыслов генерала Дьяконова не вызывала сомнений у резидентуры. Русский патриот отдавал себе отчет в том, что реализация планов РОВС по организации нового крестового похода против большевиков, за которыми пошло абсолютное большинство русского народа, приведет к новым потокам крови на его родине. Поэтому такие планы контрреволюции не вызывали поддержки у генерала.

Так царский профессиональный разведчик П. П. Дьяконов стал активно сотрудничать на патриотической основе с советской внешней разведкой. В письме на имя руководства разведки он написал:

«Настоящим я заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к Советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней.

Желая доказать свою преданность советскому правительству, я добровольно и сознательно беру на себя обязательство своевременно его информировать о деятельности правых (антисоветских) партий и контрреволюционных групп.

Обязуюсь охранять, защищать и служить интересам Союза Советских Социалистических Республик и его правительства.

П. Дьяконов.

Париж, март 1924 г.».

Советский разведчик Дьяконов успешно выполнял задания Центра по разложению Русского общевойскового союза, осуществлявшего подготовку и заброску на территорию СССР террористических групп. От него также поступала важная информация о деятельности кирилловских белогвардейских организаций и французской военной разведки. Дьяконов принимал непосредственное участие в проведении операции по захвату руководителя РОВС генерала Кутепова и в осуществлении ряда оперативных комбинаций. В частности, в результате одной из таких комбинаций французскими властями был арестован адъютант великого князя Кирилла Владимировича и руководитель белогвардейской организации младороссов Казем-бек.

В начале 1930-х годов, когда М. А. Трилиссер уже не являлся руководителем внешней разведки, Дьяконов сообщил о том, что группа бывших царских генералов во главе с Туркулом установила связь с лидером германских нацистов Адольфом Гитлером, у которого ищет финансовой помощи и политической поддержки. Он подчеркнул, что Туркул и его сообщники имеют высокопоставленных покровителей во французском Генштабе.

По поручению Центра Дьяконов довел до сведения Второго бюро Генерального штаба французской армии (военная разведка), с представителями которого он поддерживал служебные контакты в годы Первой мировой войны, сведения о профашистски настроенных белогвардейских офицерах и генералах. Незадолго до начала Второй мировой войны французские власти, которым генерал Дьяконов предоставил соответствующие документы, выслали из Франции большую группу прогерманского крыла русской эмиграции во главе с генералом Туркулом. Высылка этих лиц ослабила «пятую колонну» фашистов во Франции. Руководство французской военной разведки в этой связи письменно сообщило генералу Дьяконову: «Ваша информация о русских, которые известны своими немецкими симпатиями, чрезвычайно ценна для Франции. Мы высоко оцениваем наше сотрудничество».

В период гражданской войны в Испании Дьяконов неоднократно выезжал туда с исключительно важными специальными разведывательными заданиями Москвы.

После оккупации Франции фашистскими войсками Дьяконов был арестован и подвергнут допросам. Немцев в первую очередь интересовали его поездки в Испанию. На допросах он вел себя мужественно и стойко. Сорок три дня провел Павел Дьяконов в фашистском застенке.

Поскольку накануне вторжения гитлеровцев во Францию Павлу Павловичу и его дочери, которая также была арестована, было предоставлено советское гражданство и они получили советские паспорта, Народный комиссариат иностранных дел СССР потребовал от германских властей незамедлительно освободить арестованных во Франции советских граждан. Германское военное командование в Париже было вынуждено выполнить это требование. В конце мая 1941 года Павел Павлович Дьяконов и его дочь Мария Павловна вернулись на родину.

После нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз генерал и его дочь как лица, недавно вернувшиеся из-за границы, были арестованы «по подозрению в поддержании связи с иностранными разведками и шпионаже против СССР». После первых допросов Дьяконов написал наркому внутренних дел:

«За 17 лет заграничной работы мне пришлось выполнить много ответственных заданий. За эту работу я получал только благодарности. В голове моей не укладывается, как могли меня всерьез подозревать в преступной деятельности против родины. Излишне говорить, какую нравственную боль мне причинило такое подозрение».

Неожиданно письмо нашло адресата. Им оказался начальник внешней разведки НКВД П. М. Фитин. В рапорте, направленном в следственные органы, говорилось: «Дьяконов и его дочь известны 1-му управлению НКВД. Управление считает необходимым их освободить». В октябре 1941 года Дьяконовы вышли на свободу.

Некоторое время они жили в эвакуации в Ташкенте, а затем переехали в киргизский город Кара-Суу. Павел Павлович работал там в райпотребсоюзе.

В ноябре 1942 года Павел Павлович Дьяконов выехал с эшелоном в Москву, сопровождая грузы для Красной Армии. В дороге он тяжело заболел и на станции Челкар (Казахстан) был помещен в больницу, где 28 января 1943 года скончался.

* * *

Помимо работы по белогвардейской эмиграции, другим важным направлением деятельности внешней разведки при М. А. Трилиссере было получение за рубежом научно-технической информации.

Наиболее успешно в 1920-е годы научно-техническая разведка ИНО ОГПУ действовала в Германии. Так, в середине 1920-х годов советской разведке удалось получить ряд запатентованных химических технологий знаменитой компании «И. Г. Фарбениндустри»; сталеплавильной технологии концернов Круппа и крупнейшей сталеплавильной фирмы «Рейнметалл»; чертежи нового локомотива фирмы Борзига, крупнейшего производителя паровозов и железнодорожного оборудования в Германии.

26 октября 1925 года председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский направил в ИНО ОГПУ записку о создании при ИНО «органа информации о достижениях заграничной техники». В соответствии с этой запиской 5 марта 1926 года Военно-промышленное управление ВСНХ работало для ИНО «Перечень вопросов для заграничной информации», который, по существу, являлся заданием правительства СССР по добыче технической документации и образцов по оборонной тематике. Для решения этого задания в ИНО было создано самостоятельное отделение научно-технической разведки. К концу 1920-х годов сотрудники научно-технической разведки добыли, в частности, информацию об испытаниях новейшей авиационной техники, артиллерийских систем, военной радиоаппаратуры, о переработке нефти, а также по многим другим проблемам.

Не менее важное значение для СССР имела и добываемая под руководством М. А. Трилиссера информация о планах и намерениях противника в области экономики. Еще накануне Генуэзской конференции 1922 года закордонные резидентуры получили информацию о том, что страны Антанты пытаются поставить РСФСР в условия международной изоляции. Кроме того, из Парижа пришла информация о готовящемся террористическом акте белогвардейцев против главы советской делегации на конференции. Из Берлина на имя М. А. Трилиссера поступила телеграмма следующего содержания:

«По достоверным данным, Российский торгово-промышленный и финансовый союз в Париже, объединяющий крупнейших финансовых тузов царской России, создал специальный секретный совет, целью которого является организация террористических акций против руко-

водящих российских деятелей. Для специальной задачи выделяется фонд в полтора миллиона франков».

Пере проверка поступивших сведений показала, что во главе заговорщиков стоял известный террорист Борис Савинков, находившийся на содержании британской и французской разведок. Благодаря принятым мерам готовившаяся им террористическая акция против главы советской делегации Г. В. Чичерина была сорвана. Не удалось странам Антанты добиться и международной изоляции Советской России в Генуе. Советская делегация на переговорах заключила в Рапалло (пригород Генуи) договор с Германией об установлении дипломатических и экономических отношений. Международная блокада Советской России была прорвана, и вскоре западные государства, одно за другим, признали СССР и стали активно устанавливать с нашей страной торгово-экономические отношения.

Такое развитие событий поставило на повестку дня создание экономической разведки, призванной защищать интересы страны от недобросовестных коммерсантов, которые пытались, в частности в годы нэпа, получить в концессию советские предприятия и нажиться на них, не вложив в развитие производства ни гроша. Представители экономической разведки ИНО ОГПУ за рубежом внимательно изучали иностранные фирмы, предлагавшие различные сделки советской стороне, проекты их договоров, финансовое состояние, возможные связи с бывшими владельцами предприятий и т. п. На основе собранных и направленных в Центр сведений в Москве принималось решение по конкретным предложениям зарубежных партнеров.

Так, во время переговоров немецких предпринимателей, желавших вложить свои средства в получение концессии от треста «Северлес» на вырубку леса, экономическая разведка установила, что германская фирма необходимыми реальными капиталами не располагает. Она планирует получить концессию, чтобы перепродать ее другой фирме и извлечь комиссионную прибыль. Информация была доложена Главному концессионному комитету при Совете народных комиссаров, который отказал в предоставлении немецкой фирме концессии на вырубку леса.

Другой важной задачей экономической разведки 1920-х годов была борьба с фальшивомонетчиками, которые пытались наводнить советский рынок фальшивыми червонцами, так как эта валюта имела золотое обеспечение и котировалась на европейских биржах. Так, в 1924 году сотрудники экономического отделения ИНО ОГПУ установили агентурным путем, что одна из таких «фабрик» по производству фальшивых денежных знаков находится в Польше. Поначалу она располагалась в захваченном белополяками литовском городе Вильно, а затем была переведена в Варшаву. Оттуда при попустительстве польских властей фальшивые червонцы переправлялись на территорию СССР. Благодаря принятым мерам этот канал был перекрыт.

Председатель ОГПУ Ф. Э. Держинский мог с уверенностью опираться на информацию, поступающую из зарубежных резидентур ИНО. Он часто направлял Трилиссеру официальные запросы по тем или иным проблемам. Приведем один из таких документов:

«Тов. Трилиссеру.

Просьба составить мне сводку (которую можно будет потом пополнять) всех махинаций Англии против нас после падения Макдональда – по нашим и Народного комиссариата иностранных дел данным. Я думаю с этим вопросом выйти в Политбюро. По-моему, надо образовать секретный комитет противодействия этим английским махинациям путем целого ряда мер не только дипломатических, но экономических, чекистских и военных.

Ф. Держинский».

Будучи начальником Иностранного отдела, М. А. Трилиссер сам возглавлял его закордонную часть. Он принимал непосредственное участие в оперативной деятельности ИНО.

...Разведке предстояло восстановить связь с одним из своих ценных агентов в Германии. Поездке Трилиссера за кордон предшествовала большая подготовительная работа. В Берлин он ехал под видом специалиста по готике. Когда все детали операции были отработаны и приблизился день отъезда, выяснилось, что у начальника разведки имеется всего один костюм, в котором он ходит на работу, и синяя косоворотка. Разумеется, в таком «камуфляже» было весьма трудно выдавать себя за старорежимного профессора, знатока и ценителя германской готики.

Пришлось срочно сшить для Трилиссера костюм и приобрести несколько галстуков европейского производства, которые, как оказалось, он не умел завязывать. Были куплены рубашки и другие предметы туалета, необходимые для респектабельного человека. Перед отъездом из Москвы Дзержинский еще раз обговорил с начальником внешней разведки все детали предстоящей операции.

В Берлине Трилиссер конспиративно встретился с агентом, которого посадил в свою оперативную машину и доставил на конспиративную квартиру. На встрече с источником он получил ценную документальную информацию о положении в Германии, сведения о доверительных связях иностранца в зарубежных странах. Агенту было поставлено новое задание, с ним были обговорены дальнейшие условия связи, а также перспективы его вывода в Москву для оперативной подготовки. Конспиративная связь с ценным источником информации была восстановлена. В годы Великой Отечественной войны этот агент активно участвовал в подпольном антифашистском движении...

Умелое руководство Трилиссером внешней разведкой принесло свои плоды. 26 марта 1926 года он становится членом коллегии – заместителем председателя ОГПУ, а с февраля 1928 года – одновременно и уполномоченным ОГПУ при СНК СССР. Кадровый состав Иностранного отдела ОГПУ вновь увеличился. В 1929 году в отделе работали уже 122 человека, из которых 62 – в зарубежных резидентурах. 30 июля 1927 года Иностранный отдел был выделен из подчинения Секретно-оперативного управления ОГПУ, которым руководил Генрих Ягода, и стал самостоятельным подразделением, подчинявшимся непосредственно Коллегии ОГПУ.

Это был пик разведывательной карьеры М. А. Трилиссера.

Под его руководством внешняя разведка органов государственной безопасности добилась впечатляющих успехов. В частности, в 1927 году сотрудникам сеульской и харбинской резидентур практически одновременно удалось получить через свои агентурные возможности так называемый «меморандум Танаки» – сверхсекретное письмо премьер-министра Японии императору Хирохито, в котором были сформулированы основные направления внешней политики возглавляемого Танакой кабинета министров. В документе излагались планы оккупации Китая, Монголии, Индии, Малой и Центральной Азии, а также планы агрессии против Советского Союза.

Ценной агентурой располагали резидентуры ОГПУ в Берлине и Вене, на связи у которых были видные работники МИД и МВД этих стран. Источники важной информации имелись в Финляндии. Больших успехов в разработке вооруженной белогвардейской эмиграции добились резидентуры во Франции, Болгарии, Чехословакии, Турции и Китае. Много ценной агентуры было приобретено и в других странах.

В декабре 1927 года Трилиссер был награжден орденом Красного Знамени.

Безусловно, в период руководства Трилиссером внешней разведкой были в ее деятельности и провалы.

Так, в 1926–1927 годах произошло несколько провокаций против советских учреждений за границей, сопровождавшихся захватом полицией секретных документов Коминтерна в Лондоне, Пекине и Праге. В Пекине, например, полиция при налете на советское полпредство захватила инструкции Коминтерна китайским коммунистам. В них содержались указания по оказанию помощи «советским товарищам» в ведении разведывательной работы, описание

оружия, завозимого в Китай, рекомендации по инспирированию конфликтов между местным населением и иностранцами, некоторые материалы о деятельности военной разведки.

Британская провокация против Аркоса

Аркос – советско-британское акционерное торговое общество, которое было учреждено в Лондоне в июне 1920 года советской кооперативной делегацией во главе с Л. Б. Красиным. Английское Министерство торговли зарегистрировало его как частное акционерное общество с ограниченной ответственностью. В 1923 году СНК РСФСР разрешил Аркосу ведение торговых операций на территории Советской республики. Аркос стал крупнейшим экспортно-импортным объединением в Англии. К началу 1927 года оборот Аркоса превышал 100 миллионов фунтов стерлингов.

12 мая 1927 года британская полиция внезапно заблокировала все входы и выходы у дома № 49 по улице Мургейт, в котором размещался Аркос. Повальный обыск в помещениях акционерного общества продолжался несколько дней. Официальным предлогом для захвата Аркоса и обыска здания английское правительство и полиция объявили поиск особо секретного документа, якобы похищенного советской разведкой. Однако он не был обнаружен, и премьер-министр Стэнли Болдуин не смог позже убедительно доказать, что акция была оправданной.

Несколько советских сотрудников Аркоса пытались воспрепятствовать обыску, однако к ним была применена физическая сила и они были жестоко избиты британской полицией. Во время обыска полицейские обнаружили, что советский шифровальщик Антон Мидлер сжигает в подвалы секретные документы. Он был арестован и увезен в неизвестном направлении. В результате налета британская полиция захватила почту, другую документацию, а также шифры, которые использовались в переписке с Москвой.

Через девять дней, когда все советские служащие Аркоса были отозваны в Москву, владелец левой газеты «Дейли геральд» сделал запрос в английском парламенте относительно судьбы Мидлера. В полученном от министра внутренних дел ответе говорилось, что касаться этого вопроса публично нецелесообразно.

События 12 мая вызвали политический кризис в стране. 26 мая премьер-министр Англии информировал советского поверенного в делах А. Розенгольца о том, что британское правительство разрывает дипломатические отношения с СССР. Сотрудники всех советских дипломатических и торговых миссий были высланы из страны. По словам премьер-министра, Великобритания пошла на такой шаг в связи с тем, что СССР «ведет антибританскую шпионскую деятельность и пропаганду». При этом Болдуин полностью игнорировал многочисленные факты, свидетельствовавшие о том, что сама Англия вела широкую подрывную деятельность против Советской России.

Так, всем нам со школьной скамьи известно стихотворение В. В. Маяковского, посвященное памяти советского дипкурьера Теодора Нетто, убитого ранним утром 5 февраля 1926 года в экспрессе Москва – Рига братьями Габрилович. Однако мало кто знает, что это нападение было подготовлено и осуществлено британской разведкой СИС совместно с германскими и латвийскими спецслужбами, чтобы захватить советскую дипломатическую почту. Сами братья Габрилович не догадывались об этом: им было сказано, что вализы «битком набиты деньгами». За спиной заговорщиков стояли сотрудник британской разведки Ллойд и сотрудник германской военно-морской разведки Гаазе. Последний также являлся одним из активных членов крайне правой германской организации «Консул», которая вела разведку против СССР с первых дней советской власти, а затем влилась в военную разведку – абвер.

Позже берлинская резидентура ИНО ОГПУ оперативным путем получила текст письма, которое за три недели до убийства Т. Нетто Ллойд направил другому заговорщику – Гаазе. В письме говорилось:

«Рекомендованные вами два охотника (речь идет о братьях Габрилович. — *Авт.*) произвели на меня хорошее впечатление. Не считаю целесообразным посвящать этих людей в мои планы и пока что проинструктировал их набрать еще кое-кого в помощь в моем охотничьем матче. Я серьезно рассчитываю, что мои большие надежды, вложенные в эту экспедицию, оправдают себя полностью».

Добропорядочные британские джентльмены, обеспокоенные ростом национально-освободительного движения в своих колониях и в 1923 году утопившие в крови народное восстание в Ирландии, предпочитали не замечать этих фактов, а также своей роли в убийстве советского дипкурьера. Они поспешили обвинить СССР во вмешательстве во внутренние дела Англии и разорвали с ним дипломатические отношения. Впрочем, эта грязная политическая акция подорвала доверие... сотрудников Правительственной школы кодов и шифров (ПШКШ) к правительству консерваторов, и с этих пор главная британская служба радиоперехвата предпочитала не делиться с ним получаемыми сведениями. Так, когда во время гражданской войны в Испании ПШКШ получила сведения об истинной военной мощи Германии и Италии, она не доложила эти сведения кабинету «мюнхенцев» во главе с Чемберленом. В 1930-е годы, когда для Британии наибольший интерес представляли сведения о военной мощи СССР и Германии, британские криптоаналитики не сообщали своему правительству никаких данных по этим странам.

В свете майских событий в Лондоне Политбюро создало комиссию ЦК во главе с К. Е. Ворошиловым, которая рассмотрела создавшееся положение и разработала меры, направленные на то, чтобы впредь не допускать подобных инцидентов. Активное участие в работе комиссии и разработке рекомендаций принимал М. А. Трилиссер. В результате вся система безопасности советских полпредств, торговых представительств и миссий, а также резидентур внешней разведки была изменена. Коренным образом изменилась также и система шифрования: были введены одноразовые шифрблокноты, и с тех пор стала использоваться трудоемкая, но очень надежная система шифрования.

Коминтерн ужесточил контроль за деятельностью своего Отдела международных связей, который вел разведку за рубежом, изменил систему шифров и порядок работы с секретными документами. Резидентам Разведывательного управления РККА и ИНО ОГПУ запрещалось совмещать свои функции с работой в качестве представителей Коминтерна. Разведчикам запрещалось также вербовать коммунистов в качестве агентов. Впредь всякая вербовка агентуры утверждалась в Центре, тогда как до этого резидент ИНО ОГПУ имел право самостоятельно решать такие вопросы. К сожалению, на практике эти рекомендации далеко не всегда выполнялись.

Что касается Аркоса, то он возобновил свою деятельность в 1929 году после восстановления дипломатических отношений между СССР и Великобританией. Однако основные торговые операции проходили в то время уже по линии торгпредства СССР, участие же Аркоса в товарообороте резко сократилось. В начале Второй мировой войны акционерное общество Аркос прекратило свою деятельность.

* * *

27 октября 1929 года решением Политбюро ЦК ВКП (б) начальник Иностранного отдела ОГПУ М. А. Трилиссер был освобожден от занимаемой должности. Причиной послужило его открытое выступление против назначенного в тот день на должность первого заместителя председателя ОГПУ всеильного Генриха Ягоды, которого Трилиссер обвинил в сочувствии к «правому уклону» в партии. В связи с болезнью В. Р. Менжинского, организм которого медленно разрушал прогрессирующий паралич, Ягода фактически становился руководителем ОГПУ. Сотрудникам ОГПУ было разъяснено, что М. А. Трилиссер нарушил партийную дис-

циплину, поскольку затеял склоку внутри этой важной организации и поставил под сомнение авторитет ЦК ВКП (б).

Некоторое время опытный организатор разведки находился не у дел. Наконец в феврале 1930 года его неожиданно вызвали в Кремль к Сталину. Обращаясь к чекисту, тот сказал:

– Товарищ Трилиссер, мы решили дать вам новое поручение. Необходимо усилить работу органов нашей рабоче-крестьянской инспекции. Как вы знаете, мне далеко не безразлична эта работа. Вы, конечно, помните, что с марта 1919 года до апреля 1922 года наркомом РКИ был товарищ Сталин. Если не возражаете, то я сейчас расскажу вам, что именно необходимо там делать в первую очередь...

Трилиссер, конечно, не возражал и был назначен заместителем наркома РКИ.

В 1934 году на XVII съезде партии М. А. Трилиссер был избран членом Комиссии советского контроля при СНК СССР и ее уполномоченным по Дальнему Востоку.

В 1935 году он был избран членом Президиума и кандидатом в члены Секретариата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ), в котором работал под фамилией Москвин.

В Секретариате ИККИ аппарат Трилисера курировал работу по линии компартий Латвии, Литвы, Финляндии, Эстонии и Польши. Он отвечал за деятельность спецслужб ИККИ и взаимодействие с органами НКВД, входил в комиссию Секретариата ИККИ по переводу в ВКП (б) членов зарубежных коммунистических партий. В Исполкоме Коминтерна Трилиссер работал до 1938 года.

В ноябре 1938 года Сталину доложили список большой группы работников внешнеполитических ведомств, якобы связанных с подпольной террористической деятельностью, среди которых значилось и имя сотрудника Исполкома Коминтерна Меера Абрамовича Трилисера. Прочитав список, Сталин синим карандашом поставил свою визу. 23 ноября 1938 года бывший руководитель советской внешней разведки Меер Трилиссер был арестован. В обвинительном заключении, в частности, указывалось:

«Работая в 1926 году начальником Иностранного отдела ОГПУ, Трилиссер вошел в состав антисоветской группы, существовавшей в ОГПУ СССР, и имел организационную связь с врагом народа Ягодой и другими.

В последующие годы, перейдя на работу в аппарат Коминтерна, Трилиссер установил организационную связь по антисоветской деятельности с Кнориным и Пятницким (ответственные сотрудники Исполкома Коминтерна. – *Авт.*) и по их заданиям насаждал в братских компартиях Греции, Польши, Эстонии, Латвии и других стран троцкистские, шпионские кадры и провокаторов».

1 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала Трилисера виновным по всем пунктам предъявленного обвинения и приговорила к высшей мере наказания. На следующий день опытный революционер-подпольщик, разведчик и государственный деятель был расстрелян.

Немногим ранее был арестован, а затем расстрелян и генеральный комиссар государственной безопасности Генрих Ягода, против которого Трилиссер выступил в 1929 году.

В 1956 году М. А. Трилиссер был посмертно полностью реабилитирован.

Глава III. Гроссмейстер спецслужб

В ночь с 20 на 21 августа 1937 года в одной из камер внутренней тюрьмы на Лубянке ожидал расстрела бывший начальник внешней разведки НКВД, бывший заместитель начальника военной разведки, основатель советской контрразведки, выдающийся чекист Артур Христианович Артузов.

На следующий день в Москве по сфабрикованному обвинению в сотрудничестве с иностранными спецслужбами вместе с ним были расстреляны 28 человек. Кровавый маховик репрессий против ни в чем не повинных людей только набирал обороты. Его жертвами станут более 20 тысяч чекистов, и среди них – человек-легенда Артур Артузов.

Он был расстрелян как изменник и заговорщик, обвиненный в сотрудничестве с четырьмя разведками мира. Но и после казни чекиста задуманные и блестяще проведенные им операции «Трест» и «Синдикат-2» во все времена изучали как классические в закрытых учебных заведениях не только НКВД – КГБ, но и иностранных спецслужб, ибо по своему оперативному мастерству Артур Артузов не имел себе равных среди разведчиков всего мира.

16 февраля 1891 года в имении Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье швейцарского сыровара итальянского происхождения Христиана Фраучи, эмигрировавшего в Россию, родился первенец, которого родители по протестантской традиции нарекли тройным именем – Артур Евгений Леонард. В России второе и третье имена не были приняты, поэтому будущего разведчика сверстники звали просто Артуром.

Он был любимцем матери. Еще в детстве под ее руководством Артур овладел французским и немецким языками. Уже взрослым самостоятельно выучил английский язык. Спустя много лет, заполняя анкету, Артур Фраучи, взявший фамилию Артузов, укажет в графе «национальность»: «Сын швейцарского эмигранта, мать латышка, проживала все время в России. Отец умер в 1923 году. Я себя считаю русским».

Семья Фраучи была близка к революционным кругам России. После поражения первой русской революции 1905–1907 годов в семье Фраучи скрывались большевики Подвойский, Ангарский, его брат Клестов, а также будущий видный чекист, член коллегии ВЧК – ОГПУ Михаил Кедров, который позднее сыграет значительную роль в жизни Артура Фраучи.

В 1909 году Артур окончил с золотой медалью Новгородскую мужскую гимназию и поступил на металлургический факультет Петербургского политехнического института. Последние летние каникулы он провел в Петербурге. По заданию М. Кедрова развозил запрещенную большевистскую литературу, приобретая первые навыки конспирации. Во время учебы в Политехническом институте активно участвовал в работе нелегальных партийных кружков.

Незадолго до Февральской революции 1917 года, получив диплом с отличием по специальности инженера-металлурга, Артур Фраучи стал работать в Металлургическом бюро, которым руководил выдающийся русский ученый-металлург В. Е. Грум-Гржимайло. При советской власти Металлургическое бюро преобразовали в Государственный институт по проектированию агрегатов сталелитейного производства – «Стальпроект».

Сослуживцы и сам профессор В. Е. Грум-Гржимайло прочили Артуру Фраучи блестящую карьеру инженера, однако он пошел иным путем. В начале лета 1917 года по заданию профессора он отправляется в командировку на Урал, в Нижний Тагил, откуда возвращается к осени, чтобы принять участие в Октябрьской революции. В Петрограде он разыскал руководителя Военной организации большевиков Н. Подвойского и выразил желание работать вме-

сте с ним. В декабре 1917 года Артур Фраучи вступает в большевистскую партию и целиком посвящает себя политической деятельности, оставив навсегда карьеру инженера. Именно в Военной организации А. Фраучи познакомился с профессиональным революционером, будущим преемником Ф. Дзержинского на посту председателя ОГПУ Вячеславом Рудольфовичем Менжинским, под руководством которого он позже разработает и осуществит ряд блестящих чекистских операций по обезвреживанию контрреволюционного подполья.

Весной 1918 года в северных районах России, особенно в Мурманске и Архангельске, создалась сложная и опасная обстановка. 6 марта в Мурманске с согласия Л. Троцкого высадился английский десант под предлогом защиты Севера от германского вторжения. За ним вскоре последовали французские и американские интервенты. К началу июля в Мурманске под командованием английского генерала Ф. Пула уже находилось до 17 тысяч интервентов, которых поддерживало до 5 тысяч белогвардейцев.

Совет народных комиссаров направляет на Север специальную комиссию под руководством М. С. Кедрова. В ее составе в качестве секретаря работает и Артур Фраучи. Он принимал участие в боях с английскими интервентами под Архангельском, ему была поручена эвакуация стратегических грузов из Архангельского порта. В короткий срок оттуда было вывезено свыше 40 миллионов пудов угля и большое количество боеприпасов. Здесь же он возглавлял подрывной отряд, действовавший в тылу интервентов. Фраучи как инженеру было поручено уничтожить железнодорожный мост, чтобы остановить продвижение противника в глубь страны. С этой задачей он успешно справился.

К осени 1918 года функции комиссии Кедрова были исчерпаны, и он вместе с Фраучи возвратился в Москву. Артур, которого солдаты окрестили Артузовым, поступает на службу в ВЧК. С согласия своих руководителей Дзержинского и Кедрова он официально принимает фамилию Артузов. Вначале Артур Христианович работает особоуполномоченным и следователем ВЧК, выполняет ответственные задания Дзержинского и Менжинского на Западном и Юго-Западном фронтах. Первой серьезной чекистской операцией, в которой Артузов принял непосредственное участие, была операция по ликвидации антисоветской организации «Национальный центр».

В начале июля 1919 года под городом Луга Петроградской губернии красноармейцы застрелили белогвардейского офицера Никитенко. Среди найденных у него документов был обнаружен листок, из которого следовало, что убитый офицер являлся членом подпольной антисоветской организации, действовавшей в Петрограде и пытавшейся установить связь с командованием Белой гвардии. Заговорщики создали так называемый «Национальный центр» Петрограда, в который входили барон Штромберг, князья Андроников и Оболенский, а также другие лица рангом пониже, вскоре арестованные чекистами.

В августе 1919 года в Вятской губернии милицией был задержан подозрительный человек, назвавшийся Николаем Карасенко. При обыске в его мешке милиционеры обнаружили один миллион рублей. Задержанный оказался на самом деле офицером разведывательного отделения штаба армии Колчака Николаем Крашенинниковым. Деньги он вез для контрреволюционной организации «Национальный центр» в Москве. От Крашенинникова ниточки потянулись к руководителю «Национального центра» Николаю Николаевичу Щепкину. Осенью 1919 года Артузов участвовал в операции по его задержанию и аресту.

Операцией чекистов по ликвидации «Национального центра» руководил непосредственно Дзержинский. В ней участвовали также другие видные чекисты – Менжинский и Могилевский. В ходе операции был арестован руководитель «Национального центра» Щепкин, в прошлом крупный деятель партии кадетов, бывший член Государственной думы. На свою заговорщическую деятельность он получил от адмирала Колчака один миллион рублей золотом.

В ходе обыска на квартире Щепкина чекисты обнаружили ряд секретных документов, среди которых были постановление Реввоенсовета Республики о сосредоточении фронтовых резервов Красной Армии в районе Тулы, а также изложение плана ее боевых действий против Деникина. Выяснилось, что этими сведениями Щепкина снабжал начальник оперативного отдела Всероссийского Главного штаба бывший царский генерал Кузнецов.

Кроме «Национального центра» в Москве в то время существовали еще две крупные контрреволюционные организации – «Союз возрождения России» и «Совет общественных деятелей», объединившиеся в так называемый «тактический центр». При нем была образована особая военная комиссия для связи с подпольными военными группами. За спиной заговорщиков стояла британская разведка СИС в лице ее резидента в Петрограде Пола Дюкса, который подписывал свои донесения в Лондон псевдонимом ST-25. Перед чекистами встала задача обезвредить контрреволюционный заговор. Они знали, что создан штаб Добровольческой армии Московского района. Его возглавил бывший генерал-лейтенант Н. Н. Стогов. Срок выступления был намечен на 21 сентября 1919 года, когда войска Деникина подойдут к Туле. Генерал Деникин планировал взять Москву до зимы и уже подготовил «Приказ № 1» о расстрелах большевиков и «Воззвание к населению Москвы».

19—20 сентября Артузов участвует в ликвидации контрреволюционного заговора. 23 сентября газета «Известия» опубликовала обращение ВЧК ко всем гражданам страны по поводу разгрома «Национального центра» и привела список 67 главных заговорщиков. В общей сложности чекисты при поддержке красноармейцев арестовали около 700 участников контрреволюционных организаций.

Роль Артузова в ликвидации заговора была высоко оценена руководством ВЧК, и он назначается заместителем начальника Особого отдела. Непосредственным его начальником был Кедров, который, в свою очередь, вскоре также получил повышение по службе.

В начале 1920 года Артузов становится начальником Особого отдела ВЧК. Весной того же года панская Польша при поддержке Антанты начала войну против Советской России, и Артузов трижды выезжал на фронт с мандатом ВЧК от 10 мая 1920 года, в котором, в частности, говорилось:

«Тов. Артузов командирован на Западный фронт для организации особых отделов, непосредственного руководства их работой и согласования деятельности особых отделов фронтов и армий. Тов. Артузову предоставляется право производства обысков, облав и арестов по своему усмотрению. Все военные и гражданские учреждения и лица обязаны оказывать тов. Артузову полное и всемерное содействие в выполнении возложенных на него обязанностей».

В начале того же года в поле зрения чекистов попал Игнатий Добржинский, оказавшийся резидентом польской разведки в Москве. Артузову удалось перевербовать его на идейной основе и сделать кадровым сотрудником ВЧК, в которой он числился под фамилией Сосновский. С его помощью был ликвидирован ряд резидентур польской разведки в нашей стране. 18 июля 1921 года в связи с успешной ликвидацией контрреволюционного подполья и сети польского шпионажа Артузов был награжден орденом Красного Знамени.

В мае 1922 года в связи с окончанием Гражданской войны из Особого отдела был выделен новый – контрразведывательный отдел (КРО), который возглавил Артузов, по праву считавшийся в ВЧК мастером высокого класса. На этом посту он принимал непосредственное участие в проведении многих чекистских операций, в частности, в ликвидации заговора монархистов-николаевцев, знаменитой операции «Синдикат-2» по выводу в СССР и аресту известного террориста Бориса Савинкова, в операции «Трест», завершившейся арестом международного шпиона и заговорщика британского разведчика Сиднея Рейли, и многих других.

Руководство органов государственной безопасности молодого Советского государства сделало правильный вывод о том, что главную угрозу для нашей страны представляет Русский общевоинский союз (РОВС), и приняло меры по его разложению и дискредитации. Эта напря-

женная работа советских разведчиков шла не прекращаясь с первой половины 1920-х годов до начала Второй мировой войны.

В конце 1920-х годов Врангель решил поставить во главе РОВС великого князя Николая Николаевича Романова, оставаясь при нем руководителем армии. Однако фактическим организатором РОВС на самом деле являлся начальник штаба генерал Кутепов, который после смерти Врангеля в 1928 году и Николая Николаевича в 1929 году стал единоличным руководителем всего белогвардейского движения за рубежом. В борьбе против советской власти он делал ставку на террор и диверсии. В Париже, где находилась штаб-квартира РОВС, а также во всех его филиалах (Прага, София, Варшава и другие столицы) готовились офицерские террористические группы для заброски в Советский Союз. Эта работа проводилась в тесном контакте со спецслужбами Франции, Польши, Румынии и Финляндии.

Первым серьезным ударом по РОВС стала осуществленная чекистами под руководством Артузова операция «Трест». Это название она получила в связи с переходом советской власти от «военного коммунизма», вызванного разрухой и Гражданской войной, к новой экономической политике – НЭПу, когда в нашей стране возникали всякого рода тресты, картели, синдикаты. Решение чекистов провести подобную операцию родилось при следующих обстоятельствах.

В конце мая 1921 года в Германии открылся съезд русских монархистов, на котором присутствовали делегаты из разных стран. После бурных дебатов они избрали Высший монархический совет во главе с бывшим членом Государственной думы Н. Е. Марковым 2-м, известным черносотенцем. Самая многочисленная часть монархистов, включая Маркова 2-го и генерала Врангеля, ориентировалась на двоюродного дядю императора Николая II – великого князя Николая Николаевича, Верховного главнокомандующего русской армией в начальный период Первой мировой войны. Руководители монархистов понимали, что, не имея сообщников внутри Советской России, они не смогут добиться свержения большевиков. Кроме того, наличие тайной антибольшевистской организации в России позволило бы им рассчитывать на финансовую и материальную помощь со стороны Антанты.

Об операциях «Трест» и «Синдикат-2» написано множество книг и статей, сняты кинофильмы. Однако мало кто знает, как родился замысел этих классических чекистских оперативных игр с противником, закончившихся полной победой Артузова и разгромом белогвардейского подполья в нашей стране. А начиналось это так.

В глуши Смоленской губернии проживал генерал-лейтенант царской армии Владимир Джунковский, который в свое время был... шефом Отдельного корпуса жандармов. От своих сослуживцев этот генерал, причисленный к свите царя, отличался высокой порядочностью и честностью. Он, в частности, возражал против использования в борьбе с большевиками известного провокатора Малиновского, поскольку тот был депутатом Государственной думы, выступал против вербовки охранкой гимназистов, студентов, священнослужителей и рядовых армии.

Именно Джунковский, пользуясь своим правом прямого доклада царю, рассказал ему о пьяных оргиях «старца» Григория Распутина, за что по настоянию императрицы был отстранен от должности и направлен на фронт командовать дивизией. В декабре 1917 года он уже при большевиках вышел в отставку с сохранением мундира и пенсии, а в ноябре 1918 года выступил свидетелем на процессе провокатора Малиновского. Председателю ВЧК Дзержинскому удалось убедить Владимира Федоровича стать консультантом ВЧК в борьбе с контрреволюцией. Дзержинский познакомил его и с Артузовым.

Джунковский вместе с начальником КРО разработал операцию «Трест», которая стала классическим примером совместной работы разведки и контрразведки и вошла в учебники многих спецслужб мира. Работая над операцией, он пояснял, что чекистам не следует гоняться за отдельными террористами и контрреволюционерами, ибо это ничего не даст. Необходимо создавать легендированные организации, членами которых якобы являются реально существу-

ющие лица, хорошо известные в белоэмигрантских кругах. Так родилась легендированная чекистами «Монархистская организация Центральной России» (МОЦР), которая использовалась ими для оперативной игры с Высшим монархическим советом.

Шесть лет продолжалась операция «Трест». И все эти годы в качестве «эmissара» МОЦР выступал А. А. Якушев, бывший действительный статский советник, а в то время – ответственный сотрудник Наркомата путей сообщения, который по делам службы мог совершать регулярные поездки за границу. Через своего знакомого, переводчика английского паспортного бюро в Ревеле, Якушев довел до члена Высшего монархического совета князя Ширинского-Шаматова специально подготовленные чекистами сведения о том, что в Москве и Петрограде якобы продолжают подпольно действовать разрозненные группы монархистов, которые он намерен объединить.

Зарубежные монархисты очень хотели верить в то, что в Советской России сохранились их активные сторонники, и клюнули на приманку чекистов.

Шесть лет изо дня в день Джунковский вместе с Артузовым вели эту опасную игру, вводили в нее новых лиц, и даже организовали «инспекционную поездку» в СССР бывшего члена Государственной думы В. В. Шульгина, создавая тем самым на Западе авторитет легендированной организации. Он посетил Киев, Москву и Ленинград и по совету Якушева подготовил и опубликовал за рубежом книгу под названием «Три столицы». Интересно, что ее первыми читателями были Дзержинский, Менжинский и Артузов. В этой книге Василий Васильевич откровенно писал, что в Советской России нет голода, жизненный уровень постепенно повышается, а население в своем большинстве поддерживает большевиков.

Для придания большей убедительности «всемогуществу» МОЦР до представителей Запада и русских монархистов чекистами доводилась информация о том, что «ярыми анти-большевиками» якобы являются видный деятель партии Г. Пятаков, «красный генерал» М. Тухачевский, бывшие царские генералы Потапов, Свечин, полковник Б. Шапошников и другие.

«Нелегальная поездка» Шульгина в Киев породила за рубежом иллюзии в прочности позиций антисоветского подполья, которое якобы готовилось совершить переворот в стране. Британская разведка МИ-6 решила в этой связи направить в Москву своего эmissара Сиднея Рейли, который еще в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов работал на германские спецслужбы. В 1924 году Рейли под контролем чекистов «нелегально» пересек советско-финляндскую границу для встречи с эmissарами «антисоветского подполья». Менжинский и Артузов приняли решение Рейли обратно на Запад не выпускать.

На вокзале в Москве Рейли встретила группа контрразведчиков, которые доставили его на дачу в Малаховку, где, по замыслу операции «Трест», было инсценировано заседание Политического совета МОЦР. Рейли был удовлетворен планами «руководителей организации», которым он настолько доверился, что решил через них направить из Москвы открытку своим друзьям за границу, в которой давал понять о благополучном прибытии в красную столицу.

После «заседания политсовета» и написания открытки Рейли был арестован чекистами Сыроежкиным и Пудиным и доставлен из Малаховки во внутреннюю тюрьму ОГПУ. Позже чекистами было инсценировано «случайное убийство» Рейли на советско-финляндской границе при его возвращении на Запад. 5 ноября 1925 года Сидней Рейли, приговоренный к смертной казни еще в 1918 году за участие в «заговоре послов», был расстрелян.

В 1927 году операция «Трест» полностью выполнила стоявшие перед ней задачи и была прекращена.

Параллельно с операцией «Трест» чекисты не менее успешно осуществляли разработанную Артузовым операцию «Синдикат-2». Она завершилась в 1924 году выводом в СССР и арестом руководителя «Народного союза защиты Родины и свободы» Бориса Савинкова. Для реализации этой многоходовой операции была создана легендированная подпольная антисо-

ветская организация «Либеральные демократы», одним из полномочных представителей которой являлся опытный сотрудник ВЧК Андрей Павлович Федоров. Через эмиссара Савинкова в Москве Зекунова Федоров вышел на самого руководителя террористической организации. Савинков настолько поверил в реальность существования «Либеральных демократов» и словам Федорова о том, что этой организации нужен энергичный вождь, что в августе 1924 года решился лично посетить СССР. Вместе с другими террористами – Деренталем и Фомичевым – Савинков был арестован чекистами на конспиративной квартире в Минске и доставлен в Москву на Лубянку. Его допросы вели Артузов и его заместитель Пиляр.

Савинков признал свое поражение и дал высокую оценку работе чекистов. 27–29 августа 1924 года в Военной коллегии Верховного суда проходили слушания по делу Бориса Савинкова, который полностью признал предъявленные ему обвинения. Суд приговорил его к расстрелу, однако решением Президиума ВЦИК высшая мера наказания была заменена лишением свободы сроком на 10 лет. После вынесения приговора Борис Савинков продолжал оставаться во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. 7 мая 1925 года он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна.

В конце 1920-х годов Артузов разрабатывает и осуществляет операцию по нейтрализации белогвардейского атамана Бориса Анненкова, укrywшегося со своими бандами в Китае. В результате чекистских мероприятий атаман был выдан советским властям в марте 1926 года и как крупный военный преступник расстрелян 24 августа 1927 года.

После завершения операций «Трест» и «Синдикат» работы по борьбе с контрреволюцией у чекистов не убавилось. Начальник КРО ОГПУ Артузов и его подчиненные продолжали активно работать над разложением главной контрреволюционной эмигрантской организации – Русского общевойскового союза (РОВС), насчитывавшей в своих рядах до 20 000 активных штыков. Фактически это была русская армия за границей, руководители которой планировали организовать новый поход Антанты против Советской России. РОВС возглавлял генерал Врангель. После его смерти руководителем этой организации стал генерал Кутепов, а позднее – генерал Миллер.

Штаб-квартира РОВС располагалась в Париже, а его филиалы обосновались в сопредельных с СССР странах и находились на содержании западных спецслужб. Оттуда на территорию нашей страны засылались многочисленные группы агентов французской, польской, британской и румынской разведок, пытавшиеся создавать контрреволюционное подполье. В ответ чекисты под руководством Артузова засылали в сопредельные страны хорошо подготовленных сотрудников от имени легендированных организаций и занимались компрометацией наиболее активных деятелей РОВС.

В Ревель был направлен опытный сотрудник ОГПУ Дмитрий Федичкин. Здесь он привлек к сотрудничеству бывшего российского подданного «Карла», который по его заданию встретился с активным деятелем РОВС полковником Борисом Энгельгардтом и завербовал его, выступая от имени германской разведки. Энгельгардт снабжал «Карла» сведениями о русской эмиграции, информировал его о всех своих шагах по вербовке шпионов и подбору диверсантов, засылавшихся в СССР как по линии РОВС, так и при его посредничестве спецслужбами западных стран. Эта информация незамедлительно передавалась в Центр. В дальнейшем Энгельгардт был скомпрометирован перед руководством РОВС.

Летом 1930 года внешняя разведка органов государственной безопасности – ИНО ОГПУ – начала разработанную под руководством Артузова операцию под кодовым названием «Тарантелла». Выбор этого названия диктовался национальным происхождением выдающегося разведчика, отец которого был швейцарцем итальянского происхождения. Цель операции чекистов заключалась в том, чтобы продвигать через подставную агентуру ОГПУ направленную информацию в британские руководящие круги. Главную роль в операции «Тарантелла» играл

секретный сотрудник ИНО Борис Федорович Лаго, проходивший по переписке Центра под псевдонимом «Марсель».

Британская разведка вышла на «Марселя» через завербованного ею ранее эмигранта, ставшего впоследствии региональным резидентом Сикрет интеллидженс сервис, Виктора Богомольца, который по ее заданию вел активную разведывательную работу против СССР. «Марсель» установил тесный контакт с Богомольцем, которого в течение четырех лет снабжал специально подготовившимися на Лубянке дезинформационными материалами. Работой этого секретного сотрудника внешней разведки руководил лично Артузов, который, став через год начальником разведки, курировал уже всю операцию «Тарантелла».

По своей значимости «Тарантелла» может быть смело поставлена в один ряд с операциями «Трест» и «Синдикат». Под руководством Артузова в штаб-квартиру СИС продвигалась информация о том, что благодаря успешному выполнению пятилетних планов в СССР западные страны, включая конкурентов Англии – США, Германию и Францию, – имеют возможность активно сотрудничать с Москвой в экономической области и могут потеснить Лондон на обширных советских рынках. После разгрома оппозиции советское руководство чувствует себя уверенно, полностью контролирует обстановку в стране и положение в армии. Надежды внешней контрреволюции на крах советского режима беспочвенны, поэтому Запад должен отказаться от интервенции в СССР и активно сотрудничать с ним в деле создания системы коллективной безопасности в Европе. О некоторых наиболее существенных специальных мероприятиях «Тарантеллы» докладывалось непосредственно Сталину.

1 августа 1931 года Артур Артузов был назначен начальником ИНО (внешняя разведка) и введен в состав коллегии ОГПУ. В то время в центральном аппарате внешней разведки органов госбезопасности в Москве насчитывалось всего около девяноста сотрудников и примерно столько же разведчиков находились в зарубежных резидентурах. Когда Артузов возглавил разведку, одним из главных ее зарубежных центров являлся Берлин, откуда разведывательная работа велась не только по Германии, но и по соседним странам и даже США.

«Легальным» резидентом ОГПУ в Берлине с 1931 года был видный разведчик Борис Берман, который руководил агентурной сетью непосредственно в Германии. Одновременно здесь находилась региональная резидентура, возглавляемая заместителем Артузова Абрамом Слуцким, который в 1936 году заменил его на посту начальника внешней разведки. Региональная резидентура руководила из Берлина действиями резидентур в пятнадцати странах.

В начале 1930-х годов внутривнутриполитическое положение в Германии резко осложнилось, к власти в стране рвались нацисты. Берлинская резидентура ОГПУ, которой руководил Николай Самсонов, еще в 1929 году получила документальную информацию, свидетельствующую о намерении правящих кругов Германии отойти от Раппальских соглашений. Самсонов докладывал о реальности прихода нацистов к власти и их агрессивных намерениях в отношении нашей страны. Поэтому 30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП (б), заслушав вопрос о работе Иностранного отдела ОГПУ, приняло специальное решение о совершенствовании работы внешней разведки. В соответствии с этим решением ИНО ОГПУ должно было сосредоточить свои усилия на разведывательной работе против Японии, Англии, Франции, Германии, Польши и других соседних стран. Особое внимание уделялось постепенному переводу разведывательной работы за рубежом на нелегальные позиции в связи с угрозой войны. Исполнять это решение предстояло новому начальнику советской внешней разведки Артузову. Под его руководством внешняя разведка в первой половине 1930-х годов добилась значительных результатов.

Исходя из создавшейся ситуации в Германии, Артузов принял решение продолжить операцию «Трест». На сей раз ее целью было проникнуть в верхушку нацистской партии. Главным исполнителем операции стал секретный сотрудник ИНО ОГПУ Александр Михайлович Доб-

ров, работавший под прикрытием должности малозаметного старшего инженера текстильного директората ВСНХ.

В 1931 году Артузов организует его выезд в Карловы Вары на «лечение». Для Доброва была отработана легенда, согласно которой он является руководителем некой подпольной контрреволюционной группы, решившей при финансовой поддержке Берлина создать фашистскую партию в России. В Карловых Варах он встречается с дореволюционным приятелем, которому, согласно легенде, намекает о своем желании познакомиться с кем-нибудь из нацистских бонз. Приятель Доброва, известный чекистам своими связями с нацистами, организует его встречу в Берлине с уроженцем Прибалтики, «отцом» расовой теории Альфредом Розенбергом.

Отпетому расисту понравился Александр Добров и, естественно, пришлась по душе его идея создать фашистскую партию в России. О своих беседах с ним Розенберг докладывает лично Гитлеру и дает идее высокую оценку. В свою очередь Добров передал Розенбергу специально подготовленные руководством разведки правдоподобные сведения о положении дел в Советском Союзе и росте рядов своей мифической «партии». Оперативная игра, затеянная чекистами, позволила Москве быть в курсе истинных замыслов Гитлера в отношении нашей страны. Из донесений Лубянки следовало, что в случае прихода к власти нацистов военного столкновения с Германией Советскому Союзу не избежать.

Поэтому в начале 1932 года по предложению Артузова было решено перестроить разведывательную работу за рубежом. Ввиду острой нехватки квалифицированных кадров Артузов поставил перед руководством ОГПУ вопрос об организации специальных курсов для подготовки и переподготовки разведчиков. Эти курсы, рассчитанные на 25 человек, комплектовались специально подобранными оперативными работниками ОГПУ. Предпочтение отдавалось лицам, имевшим опыт оперативной работы и владевшим иностранными языками. Создание курсов способствовало дальнейшему повышению уровня разведывательной работы за рубежом.

По указанию Артузова в 1932 году была проведена коренная реорганизация работы разведки в Германии, сочетавшая ведение разведки с «легальных» и нелегальных позиций. На базе нелегальных групп были организованы крупные нелегальные резидентуры, которым поручалось подготовить условия для разведывательной работы на случай войны. Этими резидентурами руководили видные разведчики-нелегалы Василий Зарубин и Федор Парпаров. В 1932 году резидент ОГПУ в Берлине Борис Берман и начальник германского отделения ИНО ОГПУ Отто Штейнбрюк предложили создать за пределами Германии две подрезидентуры, в которых по мобилизационному плану Центра во время войны могли бы обосноваться нелегалы для руководства своей агентурой в Третьем рейхе, где, судя по всему, не осталось бы советских представителей.

Проведенная Артузовым работа по улучшению разведывательной деятельности принесла свои плоды. К началу 1933 года внешняя разведка создала в Германии надежный агентурный аппарат. Ею были приобретены такие ценные источники, как сотрудник гестапо Вилли Леман («Брайтенбах»), снабжавший резидентуру не только контрразведывательными, но и разведывательными материалами. Именно от него в середине 1930-х годов были получены данные об испытании в Германии неуправляемых ракет ФАУ-1. Занимая пост начальника отдела по борьбе с «коммунистическим шпионажем» в Германии, он предупреждал резидентуру о готовившихся гестапо провокациях против советских представителей.

В 1933 году «легальная» резидентура ОГПУ в Берлине, руководимая Борисом Гордоном, а также нелегальные резидентуры вели активную разведывательную работу, добывая ценную информацию по всем направлениям деятельности. От источников этих резидентур, имевших доступ к секретным документам МИД Германии, других министерств и ведомств, люфтваффе, руководства национал-социалистской партии, полиции-президиума, гестапо и т. п., поступала

ценнейшая информация о планах и намерениях гитлеровцев в отношении нашей страны и Европы в целом.

В 1932 году к сотрудничеству с внешней разведкой были привлечены Арвид Харнак («Корсиканец»), ставший позднее имперским советником в Министерстве экономики, Харро Шульце-Бойзен («Старшина») – сотрудник разведывательного отдела ВВС, Адам Кукхоф («Старик»), а также ряд других ценных источников.

Принятые Центром меры позволили берлинской резидентуре не только быстро преодолеть спад, вызванный обострением обстановки в стране в 1933–1934 годах, но и постепенно активизировать ее работу. В отчете 3-го (германского) отделения ИНО ОГПУ за 1933 год, утвержденном М. С. Кедровым, отмечалось:

«В результате проводимых национал-социалистами правительственных мероприятий (массовые аресты, разгром организаций и другие репрессии) наша работа в основном не пострадала. Мы потеряли двух агентов. Поссанер вне зависимости от связи с нами был арестован за свои старые грехи перед НСДАП. Был арестован также наш источник А/210, бывший коммунист. Благодаря своевременно принятым мерам, мы избежали каких-либо осложнений в работе. Вся наша агентура работает исключительно в нелегальных условиях».

Уже в 1935 году заметно активизировалась работа по приобретению новых источников информации в Германии. Только за один этот год резидентурой было привлечено к сотрудничеству с внешней разведкой 13 источников по политической линии. А 1936 год можно считать пиком работы берлинской резидентуры: она располагала источниками информации в важнейших объектах Германии и добывала ценную информацию о внутривнутриполитической ситуации в стране, положении в нацистской партии, гитлеровском руководстве, военных устремлениях и приготовлениях Гитлера. Резидентура освещала экономическое положение Германии, способствовала заключению выгодных торговых сделок с немецкими фирмами, а также вела работу по выявлению подрывной деятельности германских концернов против СССР.

Во Франции в этот же период добилась выдающихся результатов нелегальная резидентура, руководимая Борисом Базаровым. Активный разведчик-нелегал Дмитрий Быстролетов (оперативный псевдоним «Ганс»), специализировавшийся на получении шифров европейских стран, сумел завербовать сотрудника британского Форин-оффис «Арно», от которого поступали ценнейшие документальные материалы.

В 1933 году по инициативе Артузова была воссоздана нелегальная резидентура в Англии, руководимая знаменитым разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем, лично завербовавшим свыше двадцати агентов. Этой резидентурой была приобретена знаменитая «кембриджская пятерка», от которой поступала документальная информация о деятельности МИД и МВД Великобритании, об англо-германских отношениях, о положении в основных политических партиях страны, торговой политике Великобритании и по другим вопросам, интересовавшим Москву. В годы Великой Отечественной войны от нее поступала информация не только по Великобритании, но и по гитлеровской Германии, где в тот период не существовало резидентуры советской внешней разведки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.